

БЕЛАЯ БОРЬБА
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ
РОССИИ

Белое движение в России

**Белая борьба на северо-
западе России. Том 10**

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Белая борьба на северо-западе России. Том 10 /
«Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10016-0

Книга представляет собой десятый том серии, посвященной истории Белого движения в России и событиям на Северо-Западном фронте с осени 1918-го по начало 1920 года по воспоминаниям ее участников. Подробно освещается боевая деятельность таких известных в свое время военачальников, как Н.Н. Юденич, светлейший князь А.П. Ливен, А.П. Родзянко, А.Е. Вандам, граф А.П. Пален, П.В. Глазенап, К.И. Дыдоров, Б.С. Пермикин, С.И. Булак-Булахович, П.Р. Бермондт-Авалов и др. Большое внимание уделено сложным военно-политическим аспектам взаимоотношений белых армий с бывшими союзниками (англичанами и французами) и бывшими противниками (немцами), а также со стремившимися к самостоятельности странами Балтии. Показан трагизм положения русских армий в Эстонии, вынужденных после неудачного похода на Петроград расформироваться, превратиться в массу беженцев и угодить в эстонские лагеря принудительных лесных работ для «лиц без определенных занятий». Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10016-0

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	8
Раздел 1	12
Светлейший князь А. Айвен1	12
Наступление в Курляндии	20
Июль 1919 года	34
К. Дыдоров45	42
Из письма полковника К.И. Дыдорова[1]	44
Г. Цельмин47	45
Митава	46
Сторожевое охранение на реке Курляндской Аа	47
Кальнецем	47
Наступление на Ригу	48
А. Северин52	50
Светлейший князь А. Айвен	54
Дневник54	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Белая борьба на Северо-Западе России
Составление, научная редакция,
предисловие и комментарии д.и.н.
Сергея Владимировича Волкова**

Белое движение

Том 10

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Десятый том серии «Белое движение в России» посвящен Белой борьбе на Северо-Западном фронте с осени 1918-го по начало 1920 года.

Белая армия на северо-западе России действовала в очень сложной международно-правовой обстановке и сложилась из разных по происхождению формирований. Политическая ситуация в Прибалтике была весьма напряженной. В Латвии еще оставались немецкие войска, вызывавшие опасение Англии. Союзники покровительствовали самопровозглашенным прибалтийским государствам, относясь с большим подозрением как к Балтийскому ландесверу, так и к русским частям. Русское офицерство и добровольцы ввиду такой политики Англии не испытывали к ней симпатий, но большинство начальствующих лиц считали тем не менее, что в интересах борьбы с большевизмом не следует обострять отношений ни с Англией, ни с эстонским правительством, а ориентироваться на побежденную Германию в данный момент смысла не имеет. Генералу Н.Н. Юденичу пришлось согласиться на создание навязанного ему англичанами правительства, состоявшего частью из весьма левых элементов. Северо-Западной армии приходилось воевать в тяжелых материальных (при крайне скудном снабжении со стороны «союзников») и моральных (вследствие недоброжелательства эстонцев) условиях. Однако существовали и сторонники твердой ориентации на Германию, составившие под руководством П.Р. Бермондта-Авалова Русскую Западную армию.

Зародышем Северо-Западной армии послужил Особый Псковский добровольческий корпус, сформировавшийся с сентября 1918 года в Пскове как часть Северной армии, создававшейся, как и Южная в Киеве, правыми русскими группировками и призванной быть с ней одним целым. Были сформированы Псковский, Островский и Режицкий полки по 500 человек, две батареи, отряды внешней и внутренней охраны, а также отряды полковников Неплюева, Афанасьева и Бибикова, поручика Данилова и Талабский отряд ротмистра Пермикина; в Пскове имелся также предназначенный для Южной армии 53-й Волынский полк.

В командование Северной армией с 21 октября (до ожидаемого прибытия графа Ф.А. Келлера) вступил генерал А.Е. Вандам (начальник штаба генерал-майор Б.С. Малявин); начальником 1-й стрелковой дивизии стал генерал-майор Никифоров, затем генерал-майор П.Н. Симанский. 2 ноября из Красной армии перешел конный отряд ротмистра С.Н. Булак-Булаховича в два дивизиона и Чудская флотилия из трех судов капитана 2-го ранга Д.Д. Нелидова. С их прибытием численность корпуса достигла 3500 человек. С 22 ноября командующим стал полковник Г.Г. фон Неф (начальник штаба гвардии ротмистр В.Г. фон Розенберг). В конце ноября корпус насчитывал 4500 человек, 1500 из которых были офицерами (в Пскове находилось около 3000 человек, в т. ч. около 700 офицеров), и состоял из роты при штабе, трех полков по 700 штыков (см. выше), отряда С.Н. Булак-Булаховича (800 сабель), Талабского отряда (400 штыков), отряда капитана А.И. Микоши (250 штыков), отряда полковника А.И. Бибикова (150 сабель) и батареи.

После занятия Пскова большевиками корпус с боями отошел на территорию Эстонии (кроме отряда полковника Афанасьева, отошедшего к Либаве). Большое количество отступивших от Пскова офицеров прибыло в Ригу, где полковник А.П. Родзянко пытался безуспешно объединить под общим командованием Балтийский ландесвер и части Псковского корпуса. В Эстонии корпус («Отдельный корпус Северной армии»), состоявший из Восточного (ротмистр С.Н. Булак-Булахович, потом генерал-майор А.П. Родзянко) и Западного (полковники В.В. фон Валь, потом А.Ф. Дзерожинский и В.А. Ананьин) отрядов, возглавляли полковники А.И. Бибиков, затем В.В. фон Валь и А.Ф. Дзерожинский (начальник штаба полковник В.В. фон Валь, потом полковник К.А. фон Крузенштерн). Отношение к корпусу эстонского режима

было крайне недоброжелательным и настороженным, по договору от 4 декабря 1918 года он не должен был превышать 3500 человек.

В Ревеле было приступлено к формированию Русской Дружины генерала В.А. Геннингса и отряда полковника К. Г. Бадендыка. Всех русских войск в Прибалтике к 15 февраля 1919 года насчитывалось 31 920 человек. В начале 1919 года корпус состоял из 1-й (Островский и Ревельский полки, конный отряд полковника А.И. Бибикова, партизанский отряд поручика А.Д. Данилова и офицерская рота подполковника В.А. Алексеева) и 2-й (Талабский, Волынский и Конный имени Булак-Булаховича полки, партизанский отряд С.Н. Булак-Булаховича и конная батарея) бригад. В мае корпус возглавил генерал-майор А.П. Родзянко (начальник штаба полковник В.В. Зейдлиц), а летом 1919 года он был преобразован в Северную (вскоре Северо-Западную) армию.

Пока в Пскове формировалась Северная армия, в Прибалтике также начали формироваться антибольшевистские части. Еще в конце октября 1918 года в Риге началось создание Балтийского ландесвера, в чем принимали участие ротмистр Светлейший князь А.П. Ливен и капитан К.И. Дыдоров; 15 ноября было приступлено к формированию Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русско-сводная рота (капитан Дыдоров). В ноябре в Риге было решено создать три отдельных батальона по национальному признаку, общее командование над которыми принял 20 ноября полковник А.П. Родзянко. Но это начинание не получило развития, и 24 декабря он приказал русским добровольцам перейти в Либаву. Во главе Либавского добровольческого отряда встал генерал П.Н. Симанский (начальник штаба ротмистр В.Г. фон Розенберг), отдавший 30 декабря приказ о его формировании, но уже 6 января 1919 года после получения известия о гибели в Киеве графа Келлера отряд был расформирован. В день ликвидации отряда князь Ливен приступил к формированию из оставшихся чинов русской роты при ландесвере.

Отряд, формировавшийся Светлейшим князем А.П. Ливеном из русских офицеров, сначала был известен как «Либавская добровольческая группа», или «Либавский добровольческий стрелковый отряд». В отряд вступила и часть офицерства Псковского корпуса, отрезанная при отступлении от него и попавшая в Либаву. Первоначально он насчитывал только 60 человек, почти все офицеры. Помощником князя Ливена был полковник В.Ф. Рар. 15 января формирование было закончено, и по соглашению с Балтийским ландесвером отряд временно вошел в его состав. К 9 февраля в отряде насчитывалось около 100 человек, из которых более половины офицеры. В конце февраля в отряд вошла бывшая ранее в составе ландесвера рота капитана К.И. Дыдорова. В начале марта Ливенский отряд насчитывал 250 человек, в дальнейшем он (эскадрон – 100 человек, пулеметная команда – 125 и рота – 250 штыков) вместе с частями Латвийской армии и Балтийского ландесвера сражался против красных войск в Курляндии. К июню он насчитывал 3500 человек: 3 полка, Стрелковый дивизион, артиллерия, 2 броневика и авиационный отряд.

Тогда же вместе с отрядами полковников П.Р. Бермондта (отряд имени графа Келлера) и Вырголича он вошел дивизией в Западный корпус Северной армии. Летом 1919 года Ливенский отряд перебазировался в Эстляндию и вошел в состав Северо-Западной армии как 5-я («Ливенская») дивизия. Части Бермондта и Вырголича остались в Латвии, образовав Русскую Западную армию. После совещания с представителем Юденича предполагалось, что она (включившая в себя оставшиеся немецкие войска и выросшая до 50 тысяч человек) будет наступать совместно с Северо-Западной армией, и 5 сентября Бермондт-Авалов был назначен Юденичем командующим всеми русскими частями, сформированными в Курляндии и Литве. Однако Бермондт начал 8 октября наступление на Ригу против латышских националистов, а потерпев неудачу, отошел в Германию.

Северо-Западная армия с лета 1919 года состояла из корпусов (развернутых из прежних бригад) и дивизий. 1-й Стрелковый корпус состоял из 2-й (Островский, Уральский, Талабский

и Семеновский полки и отряд поручика А.Д. Данилова) и 3-й (Волинский, Ревельский, Балтийский и Красногорский полки) дивизий и Конно-Егерского полка (бывший конный отряд полковника А.И. Бибикова). 2-й корпус был составлен из войск С.Н. Булак-Булаховича. В состав 1-й дивизии (отдельной) входили Георгиевский, Колыванский и Гдовский полки.

На начало октября 1919 года армия состояла из двух армейских корпусов, пяти пехотных дивизий, отдельной бригады и ряда отдельных полков и других частей (всего было 26 пехотных полков, 2 кавалерийских, 2 отдельных батальона и 1 отряд); полки в составе дивизий и бригады имели единую нумерацию и насчитывали от 200 до 1000 штыков каждый. В состав каждой дивизии входили также: отдельный легкий артиллерийский дивизион (по номеру дивизии), инженерная рота, перевязочный отряд и запасная рота или батальон, а также другие части. Вне дивизий существовали Конно-Егерский полк, ударный батальон Шувалова, отдельный батальон танков, 1-я авторота, 1-я автоброневая батарея, Шведский Балтийский легион, 1-й и 2-й запасные полки и 1-й и 2-й запасные артдивизионы.

Северо-Западная армия была невелика по численности. К маю корпус насчитывал 5,5 тысячи человек. В момент наивысшего своего подъема – к началу октябрьского наступления на Петроград – она насчитывала 17 800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков, 2 бронеавтомобиля и 6 самолетов. Общая ее численность едва достигала 50 тысяч человек. В общей сложности до 10 процентов армии составляли офицеры. Они, как правило, находились только на командных должностях (от 40 до 100 офицеров на полк). В начале декабря 1919 года офицеров и классных чинов насчитывалось (без сведений по некоторым частям) *ТЛТЬ* человека.

Верховное руководство армией принадлежало генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу, который в июне 1919 года указом Верховного правителя России адмирала Колчака был назначен Главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта. С февраля 1919 года южной группой Северного корпуса, а с июля и всем корпусом и Северо-Западной армией командовал полковник А.П. Родзянко (произведенный в генералы), в конце ноября 1919 года его сменил генерал-лейтенант П.В. Глазенап, а в январе 1920 года – генерал-лейтенант граф А.П. Пален.

По договору Эстонии с большевиками Северо-Западная армия подлежала расформированию и превращалась в массу беженцев. Отношение эстонцев к Белому движению было враждебным, и они терпели Русскую армию Юденича лишь как неизбежное зло, пока им самим угрожали большевики. Северо-Западная армия избежала неприятностей эвакуации из портов под давлением противника, но зато оказалась в крайне тяжелом положении в Эстонии. От болезней вследствие тяжелейшего положения армии в Эстонии и отношения к ней эстонских властей умерли тысячи людей. В полках насчитывалось по 700–900 больных при 100–150 здоровых, количество больных, не помещенных в госпитали, достигало 10 тысяч, общее число заболевших составляло 14 тысяч. Более того, эстонское правительство объявило призыв на принудительные лесные работы 15 тысяч человек «лиц без определенных занятий» (то есть ровно столько, сколько было тогда работоспособных чинов армии), фактически установив, таким образом, институт рабства для русских офицеров и солдат; реально было отправлено на работы 5 тысяч человек.

Основная масса чинов армии вскоре рассеялась по всей Европе, однако летом 1920 года генерал-майор А.А. Бобошко вывез в Польшу несколько эшелонов военнослужащих Северо-Западной армии, где они вошли в состав 3-й Русской армии, подчиненной генералу Врангелю.

Содержание тома разбито на два раздела. В 1-м разделе публикуются материалы, освещающие действия Ливенского отряда до соединения с Северо-Западной армией, а также очерк, дающий общий обзор действий Русской Западной армии, во 2-м собраны воспоминания о формировании Северного корпуса и его действиях до лета 1919 года и об осеннем походе Северо-Западной армии на Петроград и последующем отходе на территорию Эстонии.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены в скобках в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях; правильное их написание – см. в комментариях.

Раздел 1

Светлейший князь А. Айвен¹

Основание отряда²

Основание отряда относится к самому началу 1919 года, времени наивысшего напряжения борьбы белых с красными на территории бывшей Российской империи. В начале года Колчак хотя и отступил от Вятки и Перми, но твердо держался на Урале. Деникин готовил свое наступление с Юга и продвинулся до линии Киев – Курск – Царицын. На Севере генерал Миллер³, поддержанный союзниками, медленно продвигался на соединение с Колчаком. На Западе боролись с большевиками поляки, литовцы, латыши с помощью германских оккупационных войск, и эстонцы – с помощью отошедшего в Эстонию из Пскова Северного корпуса. Финляндцы же уже в 1918 году под водительством Маннергейма⁴ и при помощи германских войск генерала графа фон дер Гольца⁵ очистили свою территорию от красных.

Начало борьбы с большевиками на территории бывшего Прибалтийского края относится к последним месяцам 1918 года. Край с февраля уже был оккупирован германскими войсками. По Брест-Литовскому мирному договору германцы закрепили за собою линию от Усть-Наровы, включая город Нарву, по Псковскому озеру, по реке Великой, включая города Псков, Остров, Двинск, и далее по линии, проходившей восточнее Минска. По тому же договору большевики, по исполнению ими некоторых возложенных на них мирным договором условий, должны были получить обратно города Псков, Остров и Двинск, а немцы – отойти к границам бывшей Лифляндской и Эстляндской губерний. Ввиду предстоявшей эвакуации Псковской области, немцы, не доверявшие большевикам и в рядах армии открыто враждебные красным, разрешили образование на псковской территории добровольческого корпуса, которому обещана была денежная и материальная помощь снабжением и снаряжением. Так началось 12 октября формирование Северного корпуса, разросшегося с течением времени в Северо-Западную Добровольческую армию.

Германское военное командование хотя и заключило мир с большевиками, но, не сочувствуя им, благосклонно отнеслось к формированию небольшой русской армии, поставившей себе задачу охранить Псковскую область от вторжения большевиков после ухода германцев. К командованию этой армии предназначался генерал граф Келлер, впоследствии убитый в январе 1919 года в Киеве. Но он в Псков не прибыл, и командование взял на себя генерал Вандам.

Германцы снабдили армию оружием и снаряжением и предполагали оставить при уходе еще и другое военное имущество, необходимое ей. Но формирование армии, точно так же, как и организация областного управления, не были окончены к моменту германской революции.

8 ноября началась германская революция, а вслед за ней и развал фронта германских войск, уже ранее развращенных братанием с красными товарищами. Солдаты стали самовольно покидать свои части и уходить домой. Большевики воспользовались этим моментом, сосредоточили большие силы в районе Торошино – Карамышево – Себеж и начали 25 ноября наступать на Псков. Германские части, которые имели задачу оборонять левый фланг позиции, а также поддерживать порядок в городе, начали без боя отступать по направлению к Изборску. Псковский добровольческий корпус, несмотря на свою численную слабость и на недостаток всего необходимого, храбро атаковал большевиков правым крылом, продвинулся и захватил броневой поезд и несколько броневиков. В это время замечен был охват левого фланга. В

городе местные большевики, хорошо снабженные германскими солдатами, продававшими им казенное добро, оружие и амуницию, устроили восстание.

При такой обстановке русские части, конечно, держаться не могли, и им пришлось уличными боями пробить себе дорогу через город и под обстрелом неприятеля переправиться отчасти по мостам, отчасти на лодках через реку Великую на левый (западный) берег, бросив в Пскове все личное имущество свое и имущество своих частей. Большевики же ознаменовали свою победу многочисленными расстрелами в городе, начиная с владельцев гостиниц и кофеен, где бывали офицеры, и кончая рабочими тех мастерских и заводов, которые работали на армию. По официальным данным, опубликованным в местных большевистских газетах, число их жертв в первые же дни превосходило 300 убитых.

На запад же от Пскова длинными редкими колоннами растянулись отступавшие русские части, враждебно встречаемые большевистски настроенными местными жителями. Много отставших было перебито. В самом плачевном состоянии остатки армии достигли Валка, где полковнику Нефу⁶ удалось их собрать и перейти на эстонскую территорию. Часть же штаба и масса офицеров докатились поездами прямо до Риги. Так как большевики, не встречая сопротивления, быстро подвигались и, отеснив армию полковника Нефа на север, заняли Валк, то находившиеся в Риге офицеры и чины штаба оказались отрезанными от своих частей и при дальнейшем наступлении на Ригу большевиков уехали по железной дороге отчасти в Либаву, отчасти прямо в Германию.

При весьма тяжелых условиях корпус отступил на Изборск и сосредоточился севернее Валка. Штаб же корпуса отрезан был от частей, так как большевики сразу заняли мосты через реку Великую. Переправа произведена была на лодках.

Во главе корпуса стоял полковник Неф, который всего за 4 дня боя принял на себя командование.

Состав корпуса в Пскове был следующий:

- 1) Штаб корпуса, состоявший всего из двух офицеров, начальника штаба и его адъютанта.
- 2) Рота, образованная из всех писарей корпуса.
- 3) Три стрелковых полка однобатальонного состава.
  - а) 1-й Псковский добровольческий стрелковый полк.
  - б) 2-й Островский добровольческий стрелковый полк.
  - в) 3-й Режицкий добровольческий стрелковый полк.
- 4) Партизанский отряд Балаховича⁷.
- 5) Отряд капитана Микоши⁸.
- 6) Талабский отряд.
- 7) Партизанский отряд полковника Бибикова⁹.
- 8) Батарея в 4 орудия.
- 9) Полубатарея в 2 орудия отряда Балаховича.
- 10) 30 пулеметов.

Всего было 3000 человек, включая 500 офицеров.

Островский полк, отходивший на Валк, сделал набег на станцию, разгромил городской совет, занял город Руэн и, войдя в соприкосновение с красными, отходил на Ревель, неся заставы совместно с ново-сформированными эстонскими войсками и финскими добровольцами.

В середине декабря полковник Неф заключил договор с эстонским правительством и, сосредоточив свои части у Ревеля, помог отстоять этот город от большевиков.

В течение декабря положение в Риге делалось изо дня в день все более критическим. Германские войска категорически отказывались сражаться против русских товарищей, продавали им за бесценок все, что могли, и уступали им за известную мзду один город за другим.

В Риге всполошились, и жители принялись за организацию отрядов земской обороны, известных под общим названием Балтийского ландесвера. Наскоро формировались роты латышские, немецко-балтийские и русские. Из германских добровольцев, желавших поддержать дисциплину в развалившейся германской армии, была сформирована так называемая Железная дивизия.

Одновременно в Риге собралось значительное количество русских офицеров, не желавших вернуться в отступившую на эстонскую территорию Псковскую армию, в том числе и начальник штаба ротмистр Розенберг¹⁰.

Последний старался убедить полковника Нефа отступить через Ригу и избрать Курляндию и Митаву базой для дальнейших формирований. Преимуществом этой базы было бы пополнение пополнений из русских лагерей военнопленных в Германии, но, как выше было сказано, полковник Неф предпочел базироваться на Эстонию. Для связи в Ригу был командирован генерал-майор Родзянко¹¹, задача коего была – объединить под общим командованием Балтийский ландесвер¹² и остатки Псковской армии. Это ему в Риге не удалось, с одной стороны, благодаря противодействию германского командования, а с другой стороны – разногласию митинговавшего русского офицерства Северной армии.

С середины декабря генерал Родзянко и я выехали в Либаву для доклада английскому адмиралу Синклеру о положении и передали составленную нами докладную записку. Встреченные весьма любезно, мы не могли, однако, добиться обещания о поддержке нам и вернуться в Ригу.

Но тут, при общем развале, при явной растерянности германского высшего командования и при полной неподготовленности молодых добровольческих частей, задержать наступление большевиков восточнее Риги не удалось.

Высланные в Хинценберг небольшие части Балтийского ландесвера были окружены красными и едва избежали полного уничтожения.

В городе началась паника... Кто мог попасть в поезд, бежал в Германию или в Либаву. Одна из латышских рот в городе взбунтовалась и была окружена и разоружена другими частями, поддержанными артиллерийским огнем с английских военных судов, стоявших на реке Западной Двине. В обороне города флот, несмотря на неофициальное о том обещание адмирала, по приказанию из Лондона, не участвовал, но помог эвакуировать в Данию и Англию некоторое количество беженцев.

2 января 1919 года город был брошен на произвол судьбы, и начался режим большевиков, ознаменовавшийся чрезвычайно развитой террористической деятельностью.

Отступившие от Риги ландесверные и германские добровольческие части, а также 2 латышские роты и русская рота капитана Дыдорова¹³ еще раз задержались в Митаве на линии реки Курляндской Аа, но 8 января эвакуировали этот город, отступая при невероятно тяжелых условиях снабжения и снаряжения при сильных январских морозах до линии реки Виндавы, где и задержались.

Одновременно в тылу в Либаве происходило переформирование всех добровольческих частей и подготовка их к новому походу. Сюда же прибыло латвийское правительство с премьер-министром Ульманисом во главе. Ввиду того что германцы по условиям перемирия обязаны были эвакуировать Курляндию, организация всех добровольческих частей шла от имени и за счет молодого латвийского правительства. Однако, ввиду того обстоятельства, что у этого правительства не было никаких средств, Германия согласилась отпускать взаимообразно латвийскому правительству как денежные средства, так и обмундирование, снаряжение и вооружение. Германские добровольцы и весь командный состав считались на службе у Латвии. По особому соглашению между представителями Германской империи и временным правительством Латвии, заключенному еще в Риге 29 декабря 1918 года, «Временное правительство Лат-

вии согласно признать по ходатайству о том все права гражданства в Латвии за всеми иностранцами, состоящими в армии и прослужившими не менее 4 недель в добровольческих частях, сражающихся за освобождение латвийской территории от большевиков». Соглашение это подписано с германской стороны Виннингом, а с латвийской – председателем Совета министров К. Ульманисом и министрами Р. Паэгле и Я. Залитом.

По этому соглашению германские добровольцы, приобретая права гражданства в Латвии, несомненно приобретали права на покупку земельных участков в пределах республики. (Впоследствии латвийское правительство Ульманиса отказалось от исполнения обязательств, взятых на себя соглашением, мотивируя свой отказ ссылкой на Версальский мир, по которому обязательства, данные кем-либо германцам или Германии, считаются недействительными и не имеющими силы. Такое отношение латвийского правительства к вопросу вызвало летом 1919 года сильное брожение среди германских добровольцев, желавших поселиться на земле в пределах Курляндии.)

Одновременно с переформированием ландесвера в январе 1919 года началось и формирование русского отряда, принявшего название «Либавский добровольческий стрелковый отряд», но более известного под названием Ливенского отряда. Поводом к формированию его было то обстоятельство, что в Либаве сосредоточилась масса русских офицеров-беженцев, не имевших прямого отношения к Прибалтийскому краю, а потому не поступивших в ряды добровольческих формирований ландесвера.

Собрания русских офицеров, начавшиеся в Риге под председательством генерал-майора Родзянко, продолжались в Либаве под руководством полковника л. – гв. Конного полка графа Палена¹⁴. В офицерстве выяснились три течения. Одна группа, пессимистически настроенная, не верила в возможность успеха и только думала об устройстве личных дел и о переезде в более спокойную Германию. Другие стремились в Ревель на присоединение к Северному корпусу. Третья группа, во главе которой стал я, поставила себе целью организовать борьбу на местах. Я руководствовался при этом следующими соображениями.

Северный корпус базировался на Ревель и вполне зависел от возможности или невозможности получать пополнения и снабжения морем, а потому одновременно и от того, кто в данное время является хозяином моря. Мне пришлось несколько раз за это время с генералом Родзянко ездить к командующему английским флотом, сперва к адмиралу Синклеру, а затем сэру Коану. При адмиралах находились и представители английского Foreign Office (министерства иностранных дел). Если наши русские стремления и встречали полное понимание у английских моряков, то отношение дипломатических агентов было далеко не дружеское. Они определенно поставили себе целью ослабление русского влияния на побережье Балтийского моря.

Я не мог не прийти к убеждению, что помощь наших союзников Северо-Западной армии может быть лишь относительной, то есть лишь постольку поскольку эта русская армия будет способствовать очищению территории Эстонии от большевиков. Несмотря на это мое убеждение, я за все время моего пребывания в Либавском районе всемерно содействовал отправлению офицеров в Ревель.

Сообщение было лишь случайным, и пароходы, ходившие туда, были крайне плохого качества и ненадежны.

Второе соображение, побудившее меня выступить в пользу формирования русских частей в Либаве, – близость к Германии, где в это время находился неиссякаемый запас людей для пополнения любых частей, а именно не менее миллиона русских военнопленных. Большая часть их была заражена большевизмом, многие просто не желали воевать, но все же при таком количестве людей можно было всегда выбрать некоторый процент годных и надежных людей, в особенности среди офицерства. Правда, как мне пришлось убедиться на практике, даже офицеры, пробывшие некоторое время в плену, в первое время, благодаря хроническому недоеда-

нию и бездеятельности, не годились для энергичной, настойчивой работы. Лишь постепенно часть их входила в норму, часть же так и оставалась никуда не годной. Пополнения из Германии могли прибывать в Либавский район эшелонами, и своевременная доставка их зависела как от германского штаба, так и от союзнических офицеров контрольных комиссий.

Третье соображение – в Либавском районе было очень много оружия и военного снаряжения, подлежавшего по условиям перемирия выдаче союзникам или уничтожению. Я полагал, что все, как германцы, так и союзники, согласятся на том, что лучшего назначения для этого снаряжения не может быть, как употребить его в деле борьбы с большевиками.

Четвертое, и самое важное, соображение было чисто стратегическое: я считал, что направление наступления из Либавы через Ригу на линию Псков – Двинск из всех направлений имеет наибольшие шансы на успех.

Инструкции, полученные мною позже из штаба Северо-Западной армии, предписывали мне именно это направление для присоединения после взятия Риги к правому флангу Северо-Западной армии. Имея в своем тылу хорошую сеть железных дорог с базой в Либаве, я имел все шансы на успех не только для подчиненного мне отряда, переименованного затем в корпус, но успех в этом направлении мог быть и решающим при наступлении Северо-Западной армии на Петроград.

Я вполне сознавал, что, останавливаясь на этом направлении, я попадаю в чрезвычайно сложные политические условия. Либавка лежит в Латвии, которая 18 ноября 1918 года объявила свою независимость и с небольшой площадью двух уездов представляла собою единственную территорию, на которую распространялась власть правительства Ульманиса. Германская армия являлась в это время еще оккупационной властью. Она не была эвакуирована из Курляндии с разрешения победоносных правительств держав Согласия, ввиду большевистской опасности для Западной Европы. Военные миссии этих держав, поддержанные флотом союзников, осуществляли фактический надзор за всеми событиями и движениями германцев. Ко всему этому, произошло в Либаве скопление русских противобольшевистских военных чинов и сформировались немецко-балтийские части, из которых одни держались явно германской ориентации, другие же не скрывали своих русских симпатий.

Сформировать при таких условиях русский добровольческий отряд было весьма трудно. Латыши, естественно, не доверяли такой формации, которая боролась за восстановление России, германофильствующие балтийцы косились, союзники видели в русских германофилов, а германцы – антантофилов.

Ввиду таких затруднений, генерал Родзянко и граф Пален выбыли в Ревель, и я остался один в Либаве, но, поддержанный энергично группой русских офицеров-патриотов, продолжал проводить свою организацию.

Результатом этого явилась возможность издать 15 января первый приказ по вновь сформированному отряду.

Удалось это мне благодаря тому, что я нашел следующий выход из положения. Я лично со своим отрядом вошел в соглашение с Балтийским ландесвером. По этому соглашению Либавский добровольческий отряд, не входя в состав ландесвера, обязался временно подчиниться командиру ландесвера, за что получил полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие. Соглашение это должно было длиться до того момента, когда отряду возможно будет идти на соединение с Северо-Западной армией, то есть по предположению вслед за взятием Риги.

Отряд был чисто русский, принципы его были те же, что и в Добровольческой армии, то есть борьба с большевиками для восстановления Великой России и для доведения ее до Учредительного собрания. В местную политику Прибалтийского края отряд не вмешивался и в случае недоразумения в этом крае обязался оставаться нейтральным. По отношению к Латвии я признавал ее политическую независимость.

Отношение между противобольшевистскими армиями и окраинными государствами должно было быть с самого начала основано на доброжелательности и доверии, являющимися единственным залогом совместной экономической работы в будущем. Самоопределившиеся народы должны были сознавать, что они в интересах своего дальнейшего экономического благосостояния целиком зависят от их отношения к России, в которой восстановлена законная власть. Это доверие противобольшевистские силы могли приобрести только в том случае, если права окраинных государств будут ими признаны и уважены. (Непризнание же независимости окраины было одной из главных причин неудачи русской борьбы с большевиками.)

Благодаря этой занятой мною принципиальной позиции, отношение мое во время пребывания моего отряда в пределах Латвии было всегда к правительству страны корректное, что правительством Латвии и народом было правильно оценено.

При таком создавшемся отношении отряд мог сохранить свой чисто русский национальный облик. На службу в отряд принимались только офицеры русской службы и добровольцы рускоподданные, как раньше служившие в армии, так и не служившие вовсе. Служившие ранее в германской армии от приема в отряд были исключены.

Вступавшие в отряд поступали на действительную службу Российского государства и обязывались подчиняться всем уставам военной службы и законам Российского государства, изданным до 28 февраля 1917 года. Допущены были лишь те отклонения, которые были введены и в Добровольческой армии, а именно: вместо выражения «нижний чин» введено было выражение «доброволец», «стрелок» или наименование по роду оружия. Обращение к добровольцам было на «вы», обращение добровольцев к офицерам до полковника включительно было «господин поручик», «господин полковник», обращение же к генеральским чинам было «превосходительство», наконец, отдавание чести со вставанием во фронт было отменено.

Срок службы добровольцев обуславливался сроком, введенным в Балтийском ландесвере, то есть первоначально по 1 июля, затем по 1 октября 1919 года. Для офицеров служба была по самому смыслу своему бессрочная. Денежное довольствие было приравнено к окладам, введенным в ландесвере, то есть для добровольца 6 германских марок в сутки, для офицера – по 11, а затем эти оклады были повышены для добровольцев до 11 марок, а для рядовых офицеров – до 18 марок. Офицеры на командных должностях получали соответствующие прибавки.

О сформировании отряда через Российскую миссию в Стокгольме был поставлен в известность генерал Деникин, которому отряд считал себя подчиненным, точно так же как и адмиралу Колчаку. Сообщения с внешним миром, с генералом Деникиным и с министром иностранных дел Сазоновым в Париже были очень затруднены, и большинство из моих телеграмм и донесений не дошло по назначению. Не желая никого в этом обвинять, я позволяю себе высказать обоснованное подозрение, что кто-то где-то был заинтересован, чтобы эти известия не доходили по назначению. Наконец, в июне пришло официальное извещение от адмирала Колчака, что я назначен командиром русских стрелковых частей в Курляндии с подчинением генералу Юденичу в Финляндии, как Главнокомандующему фронтом.

Отряд шел под национальным русским бело-сине-красным флагом и имел печать с российским гербом дореволюционного образца. Обмундирование в отряде было германское, но с русскими погонами и по мере возможности с русскими пуговицами. Фуражка имела голубой околышек с русской кокардой. На левом рукаве носилась угловая нашивка бело-сине-красного цвета, а под ней четырехгранный белый крест.

Отряд никогда не выкидывал монархических лозунгов, но определенно верил, что разбитая, разграбленная и разодранная партийными распрями Россия в будущем не может быть возрождена иначе, как восстановлением сильной центральной власти, что отнюдь не должно означать возвращение к ошибкам царского режима вообще и по вопросу окраин в особенности. Отношение мое к вопросу так называемого белого террора было определенно отрицатель-

ное. Целью борьбы было восстановление в России порядка, а не уничтожение большевиков вообще. Самочинные расстрелы были, безусловно, запрещены, и все арестованные большевики передавались в военно-полевые суды, составленные из старших офицеров, исключительно по обвинению в определенном преступлении. Только лицо, совершившее преступление, независимо от принадлежности к партии подвергалось уголовному наказанию; при недоказанности преступления суд выносил оправдательный приговор, даже если обвиняемое лицо состояло на службе у большевиков. Благодаря этому многие красноармейцы переходили именно во вверенный мне отряд и за немногими исключениями оказывались вполне благонадежными.

Отношение к германским оккупационным силам было всегда корректное. Гауптман Виллюцкий в управлении оккупационной армии в Либаве сочувствовал русскому формированию. Командир ландесвера майор Флетчер и начальник его штаба граф Дона во всех вопросах оказывали отряду всякую возможную поддержку, и командующий граф фон дер Гольц определенно и убежденно сочувствовал делу восстановления России, конечно, не из симпатии к России, а как умный человек, понимавший опасность большевизма для Германии. Совместная работа с германцами в борьбе с большевиками установила между бывшими врагами самые лучшие отношения, что, однако, отнюдь не следует понимать в том смысле, что я попал в германофильское течение. Я определенно заявлял германцам, союзникам и русским, что я не германофил, но и не антантофил, а лишь русский патриот, который принимает помощь от кого угодно, если она идет в пользу русского дела.

Благодаря этой позиции между мною и союзными военными миссиями установились и поддерживались самые лучшие отношения. Я многим обязан симпатии начальника американской миссии полковника Варрика Грина. С начальником французской миссии Дюнаркэ установились самые дружеские отношения; то же самое я должен сказать и об отдельных членах английской военной миссии, в особенности о генерале Бырте. К сожалению, английские дипломатические представители, по причинам общеполитическим, все время относились ко мне с недоверием, но не столько из-за мнимого германофильства, сколько из сознания, что вокруг меня объединилась весьма значительная национальная русская группа, сила которой, в особенности после взятия Риги 22 мая 1919 года, росла не по дням, а по часам. Уничтожение этой русской силы в Южной Прибалтике есть исключительное дело англичан и генералов Гофа и Марша в особенности. Без их вмешательства в июле 1919 года (о чем речь будет дальше) русское дело разрослось бы стихийно до крупнейших размеров, ввиду особенно благоприятных для дела условий, в которых я находился и которые, к сожалению, вполне отсутствовали в Северо-Западной армии. Я напоминаю здесь лишь о возможности получения неограниченных количеств пополнений и снаряжения из Германии. Выгоды этого положения, к сожалению, не были полностью оценены, и повторения такого исключительного выгодного положения в будущем уже никогда предвидеть нельзя.

Из всего изложенного, я полагаю, в достаточной мере понятны будут те неимоверно трудные условия, при которых начато было мною дело, казавшееся тогда, в январе 1919 года, лишь незначительным частным предприятием какого-то ротмистра в уединенной Либаве.

С востока наступала красная волна, сдерживаемая лишь крошечными добровольческими отрядами. В Либаве скопилось неимоверное количество беженцев из Пскова, Риги, Митавы и со всей южноприбалтийской территории. Все частные квартиры, гостиницы, общежития и бараки были переполнены. Дни Либавы казались сочтенными. Пришлось думать о разгрузке Либавы, и поток беженцев хлынул в Германию, в страну, изголодавшуюся от продолжительной войны, но где беженцы, русские и прибалтийские, нашли временный приют. Описывать эту эвакуацию не стоит – это было повторение в ином месте, при иных обстоятельствах того, что случалось уже и в других портах злосчастной России. Лишь благодаря еще отчасти сохранившейся у германцев аккуратной педантичности эвакуация эта протекла в Либаве спокойнее,

чем во многих других местах. Паническое же настроение, конечно, то же, что и при других эвакуациях и слишком знакомо – увы! – русским эмигрантам.

По окончании эвакуации главной волны беженцев во второй половине января оказалось, однако, что большевики наступать не могли: продвигаясь весьма быстро от Пскова до Виндавы, они выдохлись, в особенности латышские полки, уже раньше сильно потрепанные Колчаком на Урале; вернувшись на родину, они рассыпались, расходясь по домам. Сила некоторых полков не достигала 100 человек. Началась в Лифляндии и Курляндии мобилизация, но даже при большевистских приемах продвигалась она медленно, и новобранцы, не одетые, не обученные и плохо вооруженные, для наступательных действий вовсе не годились, для обороны же – лишь постольку поскольку наступление добровольческими частями не велось энергично.

Главные свои силы большевики сосредоточили по реке Виндаве южнее Гольдингена, и здесь оборона энергично велась небольшими ландесверскими частями, в особенности митавской ротой, русской ротой капитана Дыдорова и латышскими ротами полковника Колпака, павшего на этом участке смертью героя. Команду над латышскими частями принял доблестный и симпатичный полковник Баллод. Южнее латышских частей стояла германская добровольческая Железная дивизия майора Бишофа; еще южнее, уже в Литве (бывшей Ковенской губернии), – присланный из Германии 1-й резервный корпус, в состав которого входила гвардейская резервная дивизия.

Общее руководство всем фронтом сосредоточено было в руках генерала графа фон дер Гольца, штаб-квартира коего была в Либаве.

Ввиду того обстоятельства, что большевики не нажимали, высшему командованию удалось переформировать Балтийский ландесвер на новых началах. Нельзя забыть, что части были наскоро сформированы из бывших русских офицеров Прибалтийского края и добровольцев молодых и старых, никогда не служивших на военной службе. Надо удивляться, как при таких обстоятельствах эти мало сплоченные части без всякой подготовки, увлекаемые лишь восторженной любовью к Родине, совершили сравнительно удачно отступление от Риги до реки Виндавы с постоянными арьергардными боями и засадами в лесах.

Командный язык был русский, и вообще настроение военной молодежи было явно русофильское. Германцы решили подчинить ландесвер своему влиянию и начали ломку с вопроса командного состава, языка и метода обучения. Командиром ландесвера вместо русского генерала барона Фрейтаг-Лорингофена¹⁵ назначен был сперва германский полковник Розен, затем весьма талантливый, храбрый и симпатичный майор Флетчер, который быстро сумел завоевать себе доверие и преданность как офицеров, так и добровольцев.

Старшие офицеры ландесвера, полковники русской службы, перешли отчасти в русский отряд, отчасти в Ревель. Масса офицеров ландесвера хотела также демонстративно перейти в русский отряд, но лишь немногим это удалось, большинству в этом было отказано.

Для обучения строю в каждую роту были назначены инструкторами германские унтер-офицеры. Молодежь завопила, но в конце концов подчинилась, и надо отдать германцам справедливость, что никто, кроме них, не сумел бы из этих разрозненных добровольческих частей в несколько недель сформировать хорошо обученные и сплоченные воинские части.

Особенно выделялся ударный отряд (Stobtruppe), состав которого был наполовину германский с исключительно германскими офицерами.

Этот отряд силою приблизительно в 1200 штыков несомненно представлял собою в боевом смысле самую лучшую часть не только ландесвера, но всего фронта, но одновременно он являлся и носителем наиболее ярого крайнего германофильства. Командиром его был лейтенант барон Ганс Мантейфель, храбрый и талантливый офицер, павший геройской смертью во главе своего отряда при взятии Риги 22 мая 1919 года. Отряд имел две великолепные батареи и свою саперную роту. Все остальные роты были объединены под командованием графа Эйленбурга, храброго офицера и симпатичного, идейного человека. Сила его отряда была в

800 пштыков. В его отряд входил эскадрон барона Гана¹⁶, штабс-ротмистра 12-го Ахтырского гусарского полка. Это была наилучшая кавалерийская часть всего фронта, с хорошим конским составом, так как большинство лошадей принадлежали офицерам и добровольцам эскадрона.

Кроме того, в состав ландесвера входили два самостоятельных эскадрона, а именно барона Драхенфельса¹⁷, подполковника 19-го Архангелогородского драгунского полка, и вольный эскадрон барона Энгельгарда, помещика Илукстского уезда Курляндской губернии. Первый эскадрон силою в 100 коней участвовал в боевых действиях на правом фланге фронта уже в Литве, а второй эскадрон силою в 80 коней занимался более карательными экспедициями, чем боевыми задачами.

Латыши были объединены под командою полковника Колпака, а после его смерти полковника Баллода. Сила их была приблизительно в 2000 пштыков. Тактически они были подчинены командиру ландесвера, но имели свою отличительную форму – красный околыш на фуражке и красные петлицы с белой полоской. Командный язык был латышский. Между немецко-балтийскими и латышскими частями отношения все время были самые корректные; заслуга принадлежит как высоким нравственным качествам полковника Баллода, так и тактичности майора Флетчера.

Отношения между ландесверными частями и русскими добровольцами были вначале натянутые, но по мере продвижения и вообще совместной работы это чувство уступило место самому честному товарищескому отношению. И опять заслуга принадлежит как боевой доблести русского отряда, так и тактичности майора Флетчера, который открыто выражал свое восхищение перед боевой работой русских.

Наступление в Курляндии

31 января, всего через 2 недели после сформирования отряда, я выступил с ротой в 65 пштыков и двумя пулеметами, без обоза и без лошадей, по узкоколейной железной дороге из Либавы в Газенпот, а оттуда походным порядком при ясной морозной погоде в имение Априкен. Здесь присоединились к нам первые обозные подводы. Через два дня мы двинулись на запад, где у имения Сакенгаузен, с небольшим портом Паульстафен, уперлись в море. Таким образом, мы образовали крайнее левое крыло фронта, защищавшего Либавский плацдарм. Главный фронт шел с севера на юг по реке Виндаве, а наш с запада на восток под прямым углом к главному фронту, и с этого походного положения мы начали постепенное продвижение на север с Виндавой как конечной целью.

Из Сакенгаузена я съездил при сильном морозе в санях в Либаву, откуда мне удалось отправить в отряд первый взвод кавалерии и некоторое количество добровольцев. Стоянка в Сакенгаузене прошла в общем спокойно, за исключением одной ночной тревоги, вызванной появлением поблизости большевистских разведчиков.

17 февраля мы двинулись в северном направлении вдоль моря, а затем бесконечными лесами дошли до большого казенного имения Альшванген (штаб отряда квартировал у местного ксендза Ранцана, ныне епископа в Риге). Для передвижения назначались от волостей подводы, которые дежурили сутки, до смены их подводами из следующей волости. При дальнейшем продвижении мы предпочитали иметь известное количество постоянных подвод и брали из местности лишь дополнительные.

В это время началась сильная оттепель, и санный путь быстро портился. 20 февраля я перенес свою штаб-квартиру в имение Тервенден и занял заставами и постами линию до моря у Сернатена. Разведка наша в эти дни доходила до Ганау. За это время Балтийскому ландесверу удалось отвоевать от красных город Гольдинген. На полпути от моей штаб-квартиры до Гольдингена расположился в имении Эдвален эскадрон штабс-ротмистра барона Гана.

У крайней заставы на левом фланге около Сернатена, на берегу моря, произошли первые столкновения с красными постами. При этом 24 февраля командир моей роты поручик Моисеев позорно осрамился и был исключен мною из отряда «за трусость, за неумение справиться с командованием ротой и за полное отсутствие чувства товарищеского долга». При неожиданном, но, как оказалось, не серьезном ночном нападении красных он первый бежал и лично принес мне паническое известие, что застава окончательно уничтожена. Высланные мною немедленно подкрепления действительно установили, что после бегства командира роты застава отступила, но потери были самые незначительные и положение удалось немедленно восстановить, после чего была предпринята глубокая разведка, установившая, что и красные отступили. Одновременно было получено приказание об общем наступлении на север с целью занять Виндаву. В ночь с 25-го на 26 февраля длинной колонной на подводах двинуты были из Гольдингена части ландесвера. Ко мне присоединился эскадрон барона Гана и второй взвод кавалерии, только что прибывший из Либавы походным порядком. На полпути между Гольдингеном и Виндавою мы с походной колонной Балтийского ландесвера ночью двинулись в северном направлении. Около имения Зурсь головной взвод ландесвера врасплох накрыл и уничтожил в волостном доме заставу красных и работавшую телефонную станцию. Точно так же удалось застигнуть врасплох красноармейскую роту, расположенную в соседнем имении Зурсь графа Дамсдорфа, имевшего у себя знаменитый погреб. Очевидно, вина нашли своих любителей, так как рота была поголовно пьяна и открыла беспорядочную стрельбу, во время которой был легко ранен в голову и в бок командир ландесвера майор Флетчер. По наложению перевязки он вернулся к главной колонне и повел ее в Виндаву. Рота полковника 13-го Нарвского гусарского полка барона Клейста¹⁸ свернула через реку Виндаву на восточный ее берег и получила задачу обойти город Виндаву с северо-востока. Эскадрон барона Гана свернул на запад и должен был проследовать по берегу моря и подойти к городу с юго-запада, войдя первоначально в связь с подходившим на пароходах из Либавы десантом из германских гвардейских стрелков.

26 февраля около 7 часов утра главная колонна подошла к Виндаве с юга и, приблизившись, рассыпалась в цепь. Подпустив наступавших на версту к городу, красные открыли из предместья беспорядочную стрельбу из винтовок и пулеметов. Красные укрывались за заборами и в домах. При наступлении пришлось орудийным огнем и пулеметами очищать дом за домом, но красные, не имевшие в своем распоряжении артиллерии, защищаться долго не могли и предпочли покинуть город в северном направлении, куда рота полковника Клейста еще не успела дойти. В полдень мы уже были в центре города, и началась очистка его по кварталам от спрятавшихся по домам большевиков. Насколько неожиданно для них было это наступление, видно из того, что на тот самый вечер назначен был маскарад в местной лютеранской кирке.

Всеобщее возмущение вызвала находка около 100 трупов германских солдат, застреланных при приходе большевиков в Виндаве и сдавшихся им добровольно. Трупы их были ужасно изуродованы, что оказалось делом женских рук. Вообще, в Прибалтике большевистские женщины отличались наибольшим озверением и жестокостью, за что немцы их прозвали *Flintenweiber* (ружейные бабы).

При ландесвере находилась особая полицейская команда, которая производила чистку города. Ей может быть сделан упрек, что она чересчур злоупотребляла расстрелами, что, однако, легко объяснимо глубоким возмущением, охватившим всех при раскрытии невероятных зверств большевиков. К сожалению, главные виновники предпочли вовремя удрать, и поплатились менее виновные.

В течение всего боя я находился в непосредственной близости от майора Флетчера и имел случай восхищаться его личной храбростью и спокойной распорядительностью во время уличных боев, когда он безотлучно находился с передовыми стрелками.

Не долго суждено было нам простоять в Виндаве, где мой отряд увеличился влитием в него новых добровольцев, в том числе нескольких хороших и храбрых офицеров.

Уже на четвертый день после взятия Виндавы получено было известие, что большевики перешли реку Виндаву севернее города Гольдингена, где оставлено было очень мало войска под командою графа Эйленбурга. Красные, обходом города с запада, грозили захватить весь небольшой гарнизон. Майор Флетчер оставил тогда в Виндаве только роту Радена, а сам 3 марта отправился на выручку Гольдингена, посадив свои части на обывательские подводы. Несмотря на поспешность отправки, большевики узнали об этом, и, когда наши части подошли, положение города оказалось уже обеспеченным. Большевики уже очистили западный берег реки, и в окрестностях след их простыл, и только значительные повреждения центра города и колокольни свидетельствовали о силе большевистского артиллерийского обстрела.

К этому моменту русский Либавский отряд усилился влитием в него русской роты Балтийского ландесвера под командою капитана Дыдорова. Из слившихся частей сформированы были две роты – рота Дыдорова и пулеметная рота штабс-капитана Эшольца¹⁹. Кроме того, к отряду прибыли из Либавы два взвода кавалерии, кадр для формирования батареи и необходимый обоз. Благодаря неимоверным усилиям и умелости заведующего хозяйством отряда, полковника Бириха²⁰, материальная часть значительно улучшилась.

Через несколько дней большевики вновь произвели энергичное наступление на город Виндаву. Донесения оттуда давали мало надежды на возможность гарнизону удержаться в городе. В проливной дождь наши части вновь были посажены на подводы и отправлены на выручку Виндавы. Но на полпути было получено сообщение, что гарнизону удалось не только отстоять город, но и удачным обходным движением лесными дорогами обойти бронированный поезд и разрушить на востоке от него железнодорожный путь, после чего поезд большевиками был брошен.

Наши части вернулись вновь в Гольдинген, где, простояв немного дней, отряд получил самостоятельную задачу при следующей самой крупной операции, начавшейся 13 марта наступлением от Гольдингена на восток до Туккума и закончившейся 18 марта взятием города Митавы.

Эта задача Балтийского ландесвера была подготовлена с первых дней марта продвижением германских частей, занимавших центр и правый фланг расположения.

3 марта в центре Железная дивизия, переправившись через реку Виндаву, заняла имение Пампельн, а на правом фланге 1-я резервная гвардейская дивизия – местечко Тиршли (Литва).

5 марта Железная дивизия заняла с боем узловую станцию Муравьево. 7 марта бронированный поезд дошел до станции Куршаны, и занятием Нойлан 8 марта правый фланг оказался обеспеченным со стороны Шавель. 11 марта 1-я гвардейская резервная дивизия достигла линии Грузды – Жагоры, а Железная дивизия, продвигаясь от Муравьева по линии Митавской железной дороги, заняла с боем станцию Альт-Луц, а на следующий день Бенен.

Одновременно, 13 марта, и Балтийский ландесвер из Гольдингена перешел в энергичное наступление, причем оно велось одновременно отдельными колоннами, начальникам которых давалась только задача достижения известных целей с предоставлением самой широкой инициативы.

Северная колонна, силою в 1200 штыков, под командою лейтенанта Мантейфеля, с его ударным отрядом должна была подойти к Туккуму по дороге, ведущей севернее Московско-Виндавской железной дороги.

Параллельно ей, южнее Виндавской железной дороги шла колонна Эйленбурга, силою в 800 штыков; здесь шел и эскадрон барона Гана. Эта колонна должна была подойти к Туккуму с юго-запада.

Русский отряд силой в 250 человек, к которому был прикомандирован капитан Андерсон с одним орудием, должен был идти еще южнее в восточном направлении и выйти на дорогу из Туккума в Митаву, верст 20 на юг от Туккума.

Еще правее шел латышский отряд Баллода, силой в 1500 штыков, через местечко Фрауэнбург на уездный город Доблен.

Связь между русским и латышским отрядами должна была быть поддержана вольным эскадроном Энгельгарда. Но он, не будучи военным, этой связи установить не сумел, и она была установлена помимо него, но с запозданием в три дня.

Правее Баллода, по линии железной дороги от Муравьева к Альт-Луцу, как выше было упомянуто, продвигалась германская Железная дивизия майора Бишофа, силою в 1000 штыков, южнее его шла гвардейская резервная дивизия.

Быстрее всех продвинулась северная колонна и уже 15 марта в 9 часов утра вошла в Туккум, откуда большевики бежали, охваченные паническим страхом.

Вторая колонна Эйленбурга встретила сопротивление у мызы Самитен, где большевиками был разрушен мост. Вследствие этого она в ночь с 11-го по 15 марта несколько часов здесь задержалась.

Русский отряд, наткнувшись около имения Вормен, в 25 верстах от Гольдингена, на передовые посты большевиков, преследовал в первый же день похода красных от Вормена до мызы Шедена. Здесь мы задержались на западном берегу маленькой реки и открыли сильный огонь из нашего орудия по имению и корчме. На рассвете мы убедились, что попадания, принимая во внимание наступившую темноту ночи, были необыкновенно удачными. Один снаряд попал в здание корчмы, где в это время засели красные с пулеметами.

Около 11 часов ночи мы заметили, что красные начинают удирать по главной дороге, а потому я приказал перейти речку. Мы заняли корчму и лежавшее с полверсты дальше имение.

Разгром здесь был полный. Оказалось, что в имении скопилось за час до нашего подхода до 1000 красноармейцев, расположившихся здесь на ночевку и застигнутых врасплох нашим ночным наступлением. Преследовать их мы, однако, не были в силах, и им удалось отчасти уйти от нас, отчасти распылиться по всему краю. Наутро, похоронив наших двух молодых павших добровольцев и забрав попавшиеся в наши руки трофеи, в том числе несколько пулеметов и хороших лошадей, мы двинулись вперед, поддерживая связь с Эйленбургом, вплоть до боя у мызы Самитен. Весь день и всю следующую ночь, не останавливаясь, мы продвигались вперед, не встречая по лесным дорогам сопротивления. После дождей предыдущих дней наступили сильные морозы до 15 градусов Реомюра. Дороги обледенели, и движение орудий, кухонь и обоза было весьма затруднительным. Часто приходилось останавливать всю колонну, чтобы вытащить из канавы орудие или подвод. Несмотря на эти задержки, колонна, сделав 80 верст в 2 дня, к рассвету 15 марта подошла к берегу реки Абау, южнее Туккума, потеряв связь с отставшей вследствие боя колонной Эйленбурга и не установив связи вправо с колонной Баллода, отставшей предположительно верст на 30.

На берегу реки Абау, благодаря распорядительности поручика Бакке²¹, удалось окружить имение Фридрихсберг, где большевистский комитет укладывал свои архивы на подводы для бегства. Члены комитета защищались оружием, но дом был скоро взят добровольцами. В нем оказалось двое убитых, один покончил с собой, остальные были арестованы и переданы военно-полевому суду, который вынес шестерым смертный приговор, а двух оправдал. Этот комитет, как было установлено, руководил в свое время разграблением соседнего имения, причем арендатор и его дочь были расстреляны. Вещи убитого арендатора были найдены в канцелярии комитета.

На реке Абау отряд задержался до восстановления связи с Эйленбургом, который после удачного боя продвинулся вперед. На следующий (третий) день похода мы перешли реку и

продвинулись на восток до станции Шлампен Московско-Виндавской железной дороги, на 16 верст южнее Туккума.

В нескольких верстах от этой станции оказалось единственное имение, в котором уцелел помещик. Он был своими рабочими допущен в члены коммуны, причем ему, ввиду его образования и лет, был предоставлен пост секретаря коммуны с правом пользоваться для себя и для дочери двумя комнатами в своем барском доме. По его словам, коммунистическое учение, вначале встреченное рабочими восторженно, потерпело полное крушение, когда рабочим было объяснено, что поросята, рождающиеся от их собственных свиней, не составляют их частной собственности, а подлежат раздаче равномерно между всеми членами коммуны. Коммунистам после этого не удалось восстановить своего влияния, и рабочие сами желали возвращения к нормальным условиям.

Из Шлампы русский отряд установил вновь твердую связь со штабом майора Флетчера, находившегося уже в Туккуме. Он вошел в город вместе с первой колонной и, узнав, что большевики только за несколько часов перед тем увели из туккумской тюрьмы значительное число интеллигенции и мелких собственников походным порядком, послал им вдогонку добровольцев, которые их нагнали и освободили. Но масса трупов, наскоро зарытых в городе и окрестностях, громко говорила о жестоком терроре, который господствовал здесь в течение двух месяцев.

Между тем положение русского отряда, выдвинувшегося вперед, становилось в Шлампене весьма критическим. Телефон на станции не был разрушен, и удалось установить телефонную связь со станциями южнее лежащими, где находились еще большевики. Из подслушанных разговоров можно было установить, что в Митаву прибыл какой-то русский кавалерийский полк из Казани и что он направлен на Туккум. Ясно было из телефонных разговоров, что потеря Туккума, где раньше находился штаб, очень всполошила большевиков.

Разъезды упомянутого выше полка уже в следующую ночь появились у нашей передовой заставы и начали нас обходить с правого фланга. Опасность обхода была тем более велика, что вольный эскадрон Энгельгарда не выполнил своей задачи наблюдения за пространством между русским отрядом в Шлампене и отрядом Эйленбурга, стоявшим на 15 верст северо-западнее, поэтому когда этот отряд без достаточной разведки означенного эскадрона продвинулся южнее, то наткнулся на засаду.

Ввиду полной неустойчивости всего положения выдвинувшихся до Туккума ландесверных частей, майор Флетчер решил молниеносным ударом нагрянуть на Митаву и взять ее врасплох, не дожидаясь подхода с запада вдоль железной дороги Железной дивизии Бишофа. В ночь с 17-го на 18 марта походная колонна добровольческих частей выступила из Туккума, имея в голове русский отряд.

У водяной мельницы Малеймуйже, в 10 верстах южнее Шлампы, головной взвод кавалерии наткнулся на засаду большевистской спешенной кавалерии, засевшей в овраге по обе стороны от дороги и открывшей в 10 часов вечера, при лунном освещении, огонь из пулеметов и винтовок по походной колонне. Среди обывательских подвод произошло некоторое замешательство, но присутствие духа командира батареи капитана Андерсона²² спасло положение. Он сразу приказал выкатить на поле одно орудие и начал прямой наводкой стрелять по неприятельской цепи. Одновременно часть роты с пулеметами рассыпалась в цепь, и вскоре неприятельский огонь начал слабеть и прекратился. Когда мельница была занята, то и след от большевиков простыл.

В этом бою был убит только что поступивший к нам в Виндаве поручик Шлосман и тяжело ранен штабс-ротмистр Рымша.

Засим русский отряд был направлен на восток к Кальнецемскому мосту через реку Курляндскую Аа заслоном и имел здесь на следующий день продолжительный бой с укрепившимися в старых окопах военного времени большевиками. Защищаемая, таким образом, с фланга

и тыла, колонна ландесвера могла ускоренным аллюром продвинуться прямо на Митаву. В шести верстах от Митавы произошел небольшой бой, но в общем большевики, охваченные паническим страхом, бежали, оставив в Митаве массу имущества и санитарный поезд. Единственное, что они успели сделать, – это арестовать заново и вывезти массу интеллигентных заложников. Следующая ночь была чрезвычайно холодная, и заложников вели пешком по мерзлому шоссе в той одежде, в которой их застали. Многие старики и старушки не выдержали и падали на пути; их приканчивали выстрелами и прикладами. Очень немногим удалось в пути бежать и скрыться в лесу. Остальные в неимоверно истощенном состоянии, пройдя 40 верст без остановок, были брошены в рижские тюрьмы. Здесь свирепствовал сыпной тиф, и немедленно интеллигентные женщины из числа заложников были назначены на работу – стирки белья тифозных больных.

После взятия Митавы первый день прошел спокойно. Производилась чистка города и разыскивались многочисленные трупы расстрелянных большевиками, которые, едва зарытые в землю, заполняли дворы и сады вокруг губернской тюрьмы.

Однако положение города оставалось весьма критическим. Он был взят налетом. В тылу на западе от Митавы находились большевистские войска, отступившие от Альт-Луца и Доблена, под давлением Железной дивизии и латышей. Положение этих частей было бы безвыходным, если бы имелось больше добровольческих частей для окружения их; теперь они, охваченные паникой, ринулись в юго-восточном направлении через город Бауск к Западной Двине, но до того момента, когда определилось направление их отступления, они представляли серьезную угрозу Митаве. Отколовшиеся от большевистских сил банды долго еще мешали сообщениям между Митавой и Туккумом, где оставлен был весьма незначительный гарнизон, находившийся под угрозой нападения со стороны Шлока.

Действительно, большевики произвели нападение на Туккум с востока. Гарнизон города состоял из 35 штыков сборной команды и 50 человек саперной роты Штротмберга. Большевики заняли высоту, господствующую над городом с севера, и поставили один пулемет. Случайно один из саперов выстрелил в направлении наступающих ружейной гранатой. Граната разорвалась в 20 шагах от пулемета с присущим ей треском, но без дальнейшего вреда. Прислуга большевистского пулемета сразу прилегла, а затем бежала, бросив пулемет. Саперы с криком «Ура!» бросились на высоту, захватили пулемет и повернули его на бегущих большевиков, после чего последние туда больше не возвращались.

На второй день после взятия Митавы большевики неожиданно повели наступление на город с востока, подойдя к самому предместью с двумя бронированными поездами и несколькими броневидами.

Вызванные по тревоге пулеметная и пехотная роты прибыли к шоссе к мосту и, перейдя реку, заняли окопы восточнее моста и отсюда отбили сильные атаки красных.

На следующий день большевики возобновили наступление и заняли на нашем левом фланге, расположенные всего в полуверсте от нас, здания сельскохозяйственной выставки и старались обойти наш правый фланг. Из выставочных зданий нам удалось выбить их метким артиллерийским огнем. Обход с правого фланга тоже удалось ликвидировать. Полтора суток, проведенных в этом бою, оказались первой серьезной пробой устойчивости молодого отряда. Русские показали себя хорошо и заслужили доверие жителей Митавы. После этого боя большевики уже не решались наступать и ограничились обстрелом города из своих орудий. Наши потери были невелики: один убитый и несколько раненых.

Позже ко мне приехал латвийский министр внутренних дел д-р Вальтере и благодарил отряд от имени правительства за спасение города.

На следующий день ко мне привели одного господина, подошедшего к передовым постам со стороны большевиков и сославшегося на меня. Я его первоначально не узнал. Голова его была обвязана платком, на ногах была изодранная обувь, в глазах его было выражение ужаса.

Лишь когда он назвался, я узнал в нем одного родственника, барона Роппа, секретаря Курляндского дворянства и сына местного директора поземельного банка. Он рассказал мне, что он со стариком отцом и другими арестованными был накануне занятия Митавы уведен пешком по Рижскому шоссе. Его отец обессилел в пути и упал. Большевики его пристрелили. Он сам, ослабленный тяжелой болезнью и долгим пребыванием в тюрьме, упал – к его счастью – в канаву. Большевики, считая Роппа мертвым, оставили его лежать. Два дня он укрывался в лесах, где крестьяне его приняли и согрели в своей избе. Я лично проводил его затем в Митаву к его матери, которой я должен был сообщить грустную весть о расстреле ее мужа. Это только один случай из тысячи.

Через два дня было установлено появление новой угрозы городу с севера. Большевики, перейдя ниже Митавы реку по льду, начали накапливаться в лесах, окружающих город. 22 марта туда был направлен русский отряд, к которому была придана германская добровольческая пулеметная рота. Бой начался в пяти верстах от города, около мызы Шведгоф.

Противник, засевший на опушке леса, сперва открыл оживленный пулеметный огонь, но благодаря значительному превосходству нашего пулеметного и артиллерийского огня принужден был сперва отступить, а затем бежать. Преследование велось энергично на расстоянии 12 верст и привело к полному очищению западного берега реки. Удалось установить, что наши две небольшие роты привели в паническое бегство весь 15-й латышский советский полк, который, войдя в деревню, где стоял батальон 10-го полка, увлек и его в бегство.

Теперь все эти части ожидали немедленного наступления на Ригу. Большевики были настолько убеждены в этом, что спешно начали эвакуировать Ригу. Улицы, по которым большевики предполагали отступать, очищались от всех жильцов-буржуев. Последние выводились на улицу, где распределялись на три категории: в 1-й – к немедленному расстрелу, во 2-й – к заключению в тюрьме и в 3-й – к выселению в предместья, в концентрационные лагеря и на низменные острова на Двине. В эти дни свирепствовал в городе самый жестокий террор. Расстрелов было столько, что солдаты отказывались производить их, и работа расстрела поручалась коммунистическим девушкам-добровольцам, которые находили особое удовольствие в истязании своих жертв до окончательного их расстрела.

Во всяком случае, настроение большевиков в это время было таково, что о серьезной обороне Риги они не только думать не могли, но и не хотели, войска же добровольческих частей рвались в бой, так как у каждого были близкие родственники или друзья в Риге.

Несмотря на такое настроение, мы провели целых два месяца на позициях по левому берегу Курляндской Аа от Бауска до Шлока с небольшими тэт-де-понами впереди Митавы и Кальнецема на правом, восточном, берегу реки. Митавы с упомянутым тэт-де-поном занята была Железной дивизией майора Бишофа, со штабом в Митаве. Южный участок от Митавы до Бауска занимала германская гвардейская резервная дивизия со штабом в имении Гросс-Платон. Северный же участок от Митавы до Шлока оборонялся добровольческими частями, причем латыши занимали Кальнецемский тэт-де-пон. Ландесвер стоял севернее до моря. Штаб майора Флетчера находился в Туккуме. Русский же отряд имел сторожевое охранение по реке Курляндской Аа от Кальнецема до Митавы. Штаб отряда расположился в имении Ливенберзен, в 15 верстах севернее Митавы. За время нашего пребывания тут с местными жителями установились самые лучшие отношения, главным образом потому, что я не допускал никаких реквизиций и защищал жителей от налетов, производимых самочинно солдатами германской Железной дивизии. Одновременно я приказывал производить подробные дознания о преступных действиях лиц, замешанных в большевизме и терроре. Арестованных мы никогда не расстреливали, а препровождали с дознанием в митавскую губернскую тюрьму. В занятом мною районе все время царили полное спокойствие и порядок, что, по дошедшим до меня еще недавно сведениям, местным населением до сих пор не забывается.

За время этой стоянки в отряде особенно отличились разведкой и налетами в тыл красных два беззаветно храбрых офицера – поручик Зелерт²³ и подпоручик Тимофеев. Первый однажды с 8 разведчиками навел на большевиков такой страх, что целый батальон отскочил в панике от фронта верст на десять, о чем мне подробно доложил перешедший к нам от красных батальонный командир. Подпоручик же Тимофеев, раненный в ногу и с простреленными легкими, пролежав сутки в околотке, не выдержал и при наступлении пошел в строй, опираясь на палку, и вновь отличился. Зелерт погиб в октябре в бою под Лиговом, когда он командовал уже батальоном и обходил во весь рост стрелковую цепь. Тимофеев же был еще раз ранен под Петроградом и, поправившись, умер в Нарве от сыпного тифа. Мир праху этих беззаветно храбрых и преданных своему делу офицеров. Память о них жива среди их бывших товарищей.

В течение апреля нам удалось определить те большевистские силы, которые защищали фронт Рижского плацдарма от моря до Западной Двины у Фридрихштадта. Севернее Митаво-Рижского шоссе стояли почти исключительно латышские полки, силою в среднем в 800 человек, а именно: против Шлока на взморье – роты береговой охраны и один батальон 1-го латышского стрелкового полка; южнее от озера Вабит до полотна Риго-Митавской железной дороги с севера – 1-й, 2-й и 3-й латышские стрелковые полки с тремя легкими и одной тяжелой батареей.

На Риго-Митавском шоссе 1-й Устьдвинский полк с одной батареей латышской тяжелой артиллерии и одной гаубичной.

Против Митавы, между Риго-Митавской и Московско-Виндавской железной дорогой находился 10-й латышский стрелковый полк, батарея тяжелой латышской артиллерии и два эскадрона латышской кавалерии.

Южнее Московско-Виндавской железной дороги, по восточному берегу реки Курляндской Аа от Митавы до города Вау ска, стояли 16-й латышский стрелковый полк, 8-й латышский стрелковый полк, 1-й Витебский полк, 99-й стрелковый полк, входивший в состав Новгородской дивизии, 38-й стрелковый полк и три батареи полевой артиллерии.

Южнее города Бауска, в Литве, 32-й и 33-й стрелковые полки и части 22-го Московского полка с двумя полевыми батареями.

Резервы красных были сосредоточены впереди Риги, сюда входили: несколько эскадронов латышской кавалерии, саперы, автоброневые взводы и части особого назначения, как то: коммунистические роты, матросский отряд под командою германского матроса, интернациональный батальон и роты рижских рабочих.

Коммунисты были хорошо одеты и снабжены. Мобилизованные красными латыши были в лохмотьях.

Можно полагать, что Рижский плацдарм защищался армией силою приблизительно в 10–11 тысяч человек на фронте. Сила же наступавших «белых», включая ландесвер, Железную дивизию и германскую гвардейскую дивизию, едва ли достигала 10 000 на фронте, в тылу же находилось несоответственно большое число людей на довольствии; так, например, ландесвер, имея на фронте в лучшем случае 3500 людей, довольствовался из котла в тылу около 20 000, включая сюда всякие хозяйственные и санитарные учреждения.

Причин для задержки добровольческих частей на линии Митавы было несколько.

Нельзя забывать, что Митавы была взята налетом.

Требовалось известное время для исправления путей сообщения, для налаживания снабжения и присылки пополнений.

Вопрос о снабжении изголодавшейся Риги продовольствием, в случае взятия города, не нашел еще удовлетворительного разрешения. В особенности ввиду невозможности пользоваться морским путем, так как благодаря холодной весне в море еще было много льда.

Германское правительство не желало, при создавшихся политических обстоятельствах, разрешить германским частям идти далее реки Курляндской Аа, так как оно смотрело на всю

операцию лишь как на средство обеспечить свои восточные границы от нападения со стороны большевиков, а эта цель была уже достигнута взятием Митава в достаточной мере.

Наконец, правительства Антанты не могли согласовать вопрос, кому и когда освободить Ригу. Инструкции, которые ими давались германскому командованию на местах, были крайне противоречивого характера.

Пока река была покрыта льдом, позиционная война являлась для добровольческих, растянувшихся в одну длинную линию частей очень утомительной задачей.

Поздно наступивший разлив облегчил задачу, но одновременно вспыхнули случаи сыпного тифа, грозившего принять характер эпидемии. Умер от тифа помощник начальника русского отряда – полковник В.Н.²⁴, пользовавшийся всеобщим уважением и доверием всех чинов отряда. В середине апреля отряд уведен был в тыл для дезинфекции и приведения себя в порядок. К тому времени стали подходить пополнения из Либавы и Виндавы, получены были орудия, началось формирование гаубичной батареи, и от латвийского правительства были получены по реквизиции лошади из Добленского уезда. Вообще, отряд начал усиливаться. Перелетело к нам от красных три аэроплана с капитаном Андржевским во главе. Русские летчики передались нам с аппаратами, ценными документами и картами Красной армии. Необходимо было еще наладить получение пополнений из бывших военных русских пленных, находившихся в Германии. Попытки вывезти их оттуда, несмотря на разрешение держав Согласия и на содействие германских властей, всегда разбивались о какое-нибудь мелкое препятствие, а потому я решил ехать лично в Берлин для организации дела.

Неожиданно в Либаве в середине апреля разыгрались политические события, имевшие серьезные последствия. Ударный батальон Балтийского ландесвера, отведенный в Либаву на отдых, 16 апреля сверг министерство Ульманиса и арестовал некоторых членов министерства. Поводом послужило недоверие балтийских фронтовых частей к министерству вообще и к двум министрам – Залиту и Гольдману – в особенности. Последние обвинялись в сношениях с большевиками, а потому войска желали удаления их. «Путч», совершенно не подготовленный, руководимый некоторыми очень молодыми политически неопытными офицерами ударного отряда ландесвера, во главе которого стояли некоторые члены семьи Мантейфель, оказался ударом впустую. На место свергнутого правительства нельзя было найти нового. Военная и дипломатическая миссии союзников явно стояли на стороне министерства Ульманиса и вначале не желали вовсе разговаривать с другими группами. Только американская миссия заняла более примирительную точку зрения и старалась создать коалиционное правительство.

К этим событиям я был причастен, постольку поскольку меня в первый день Пасхи экстренно вызвали из Митава в Либаву, прислав за мною аэроплан. Не зная обстановки и ни к чему не подготовленный, я, по прибытии в Либаву, получил от временного исполнительного комитета фронтовых частей, в данном случае батальона Штосструпа, предложение возглавить новое правительство, долженствовавшее заменить свергнутое правительство Ульманиса и представлявшееся молодым руководителям переворота под видом военной диктатуры. Я не согласился на принятие этой ответственной должности, опираясь лишь на штыки ландесвера и на небольшую группу консервативных латышей, а потому поставил непременным условием предварительное согласие на это полковника Баллода, командовавшего на фронте латышскими частями. Он, однако, на мой запрос ответил, что он солдат и его место на фронте. Не получив его поддержки, я отказался от возглавления правительства, что мне граф фон дер Гольц в своей книге ставит в вину как малодушие. Зато я, как человек, стоящий вне политики, предложил свое посредство между Балтийским ландесвером, миссиями держав Согласия и арестованными членами министерства Ульманиса, в особенности министром внутренних дел д-ром Вальтерсом.

Край же в это время оставался без правительства, и в уездах вспыхнули со стороны латышских тыловых войсковых частей беспорядки. Генерал граф фон дер Гольц 21 апреля

издал приказ, в котором объявил, что он, как главнокомандующий над всеми войсковыми частями всяких национальностей, в краю будет железною рукою поддерживать порядок. Он выслал в Газеннотский уезд несколько отрядов, которые более или менее восстановили порядок. Одновременно он принял энергичные военные меры против возможных в Либаве новых выступлений ландесвера. При таких весьма неблагоприятных внешних и внутренних условиях, спустя десять дней после переворота создалось новое правительство, в которое вошли: Цз балтийцев и $\frac{2}{3}$ латышей правых партий. Во главе этого правительства стал пастор Недрис, известный латышский писатель и националист.

Правительство Недриса, поддержанное германскими оккупационными властями, не было признано союзниками. Ульманис же продолжал играть роль изгнанника. Дело не прошло без столкновений. В первый день переворота солдаты одной германской добровольческой части ворвались в расположение латышских частей в районе военного порта и, обезоружив латышей, ограбили их. С другой стороны, латыши арестовали Недриса, тайно увели его за город, откуда ему с различными приключениями удалось бежать в одной рубашке и добежать в таком виде к ближайшему германскому посту.

Все эти события не могли не усилить вражды между различными национальностями и не вызвать недоверия союзников к ландесверу и прибалтийским немцам вообще. Озлобление латышей было особенно сильно против ландесвера и семьи Мантейфель, из которых командир ландесвера пал при взятии Риги в мае 1919 года, а его отец был убит какой-то бандой осенью того же года.

События в Либаве, к счастью, мало отразились непосредственно на фронте. В перевороте участвовал только ударный отряд Мантейфеля, стоявшие на фронте части ландесвера в нем не участвовали, и отношения между ними и латышскими частями остались корректными.

После этих событий я решил, пользуясь передышкой на фронте, уехать в Берлин, чтобы поторопить присылку ко мне русских пополнений. Тут я виделся с руководящими лицами русской колонии, с военными представителями держав Согласия и с офицерами германского Главного штаба. Среди русских я нашел разрозненность и растерянность. Большую поддержку оказал мне присланный в Берлин по делу русских военнопленных генерал Потоцкий²⁵. К сожалению, отсутствовал генерал Монкевиц²⁶, который, вернувшись из Парижа и плохо осведомленный о моей организации, не сочувствовал моему отряду, считая его слишком германофильским. Энергичную поддержку я нашел со стороны сенатора Бельгарда²⁷, и при его содействии мне удалось объединить русских различных направлений, доказав им, что теперь не время спорить об ориентации и партийности, а нужно делать русское дело.

Результатом двух совещаний в Центральной гостинице оказалось формирование в Берлине русской организации, в которую вошли представители различных русских общественных кругов. Ведение военного дела взял на себя генерал Потоцкий, а во главе вербовочного бюро стал сенатор Бельгард. Для предстоящей деятельности были выработаны следующие положения:

1) Деятельность вербовки должна происходить в полном согласии с русской военной миссией в Берлине.

2) Для пополнения признанного генералом Юденичем²⁸ добровольческого отряда князя Ливена будут высылаться части под следующими условиями:

а) отдельно или группами для непосредственного зачисления в отряд князя Ливена;
б) отдельными ротами, эскадронами и батальонами точно так же для зачисления в означенный отряд;

в) отрядами из трех родов оружия с подчинением командованию князя Ливена.

3) Никакие другие самостоятельные или носящие иной характер формирования не будут допускаемы.

4) Принятие на службу в отряд германских офицеров и солдат не допускается.

5) Все переговоры относительно формирования германских или смешанных частей должны вестись исключительно через начальника русской военной миссии.

6) Принятие русских в такие организации, которые преследуют исключительно германские интересы, ни под каким видом не разрешается.

7) Дело формирования ведется открыто, без тайн.

8) Все отдельные высшие чины, части и отряды впредь до отправления на фронт подчиняются начальнику русской военной миссии.

Так как формирование и отправка пополнений зависели от доброжелательности как представителей военных миссий держав Согласия, так и германских военных властей, то от генерала Потоцкого и от сенатора Бельгарда требовалось много дипломатического такта, чтобы примирить в этом вопросе интересы русского дела с требованием держав Согласия и Германии.

Со второй половины мая перевозка пополнений наладилась, и отряд начал разрастаться.

Между тем на фронте опять начались военные операции. 16 мая русский отряд, сменив часть латышских рот, занял совместно с латышами Кальнецемский тэт-де-пон. С 18-го по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались отбить пас, направляя главные свои силы против правого участка, занимаемого русскими. Все атаки были отбиты с большими потерями для большевиков. Из показаний пленных выяснилось, что непосредственно от Троцкого был получен категорический приказ занять мост. Большевики вполне правильно оценивали значение Кальнецема как угрозу Риге. На 22 мая, по собранным разведкою сведениям, ожидалось новое наступление большевиков. Командир ландесвера решил предупредить это неожиданное переходом в наступление со своей стороны.

В 1 час 30 минут ночи 22 мая Балтийский ландесвер, имея ударный отряд во главе, неожиданно атаковал большевиков и уже к 3 часам ночи, пробившись к ним в тыл, начал ускоренным маршем поход на Ригу, с таким расчетом, чтобы занять городские мосты через Двину раньше, чем отступавшие большевистские части могли поспеть туда. Русский отряд вместе с латышами под командою полковника Баллода пошел обходным путем по южному берегу озера Бабит. По реке Курляндской Аа направились сильно вооруженная речная флотилия на специально приспособленных для сего речных пассажирских и буксирных пароходах. Севернее реки по берегу моря от Шлока двинулись латышские и ландесверские части.

Одновременно двинулась из Митавы по шоссе Железная дивизия Бишофа. Германские части не имели от своего правительства разрешения участвовать в рижской операции, но в случае наступления ландесвера принуждены были для обеспечения своего фланга продвинуться на новые позиции, что ими и было исполнено.

В два часа дня Мантейфель с ударным отрядом подошел к деревянному городскому, бывшему понтонному мосту, одновременно по Митавскому шоссе к железнодорожному мосту стали подходить бронированные автомобили майора Бишофа. Большевики в Риге были застигнуты врасплох. Они узнали о приближении белых, лишь когда те с боем вошли в западные предместья города. На деревянном мосту произошел короткий бой, причем пал командир эскадрона граф Рейтерн-Нолькен. Ударники ворвались в город с Мантейфелем во главе, который при этом был убит, и поспешно направились к ближайшей тюрьме, чтобы спасти заключенных там заложников. В других же тюрьмах большевики успели многих перебить, в том числе женщин, некоторое число пасторов, других же увезли из города на грузовиках для отправки в Москву заложниками, откуда они вернулись лишь в мае 1920 года.

К шести часам дня в город вступил русский отряд и получил задачу очистки от большевиков северных частей города, включая и Царский лес.

Первой задачей было организовать фактическую охрану частного имущества и предупредить грабеж. Это было тем более трудно, что в моем участке, кроме опасного склада динамита, на товарной станции находился водочный завод Вольфшмидта и холодильник со значи-

тельными припасами. Несколько раз ночью банда солдат германской Железной дивизии хотела сперва по добру, а затем насильственно получить водку из склада завода. Мне пришлось ночью съездить к майору Флетчеру, где я застал и майора Бишофа, прося их повлиять энергично на свои войска, чтобы предупредить вооруженное столкновение. Тяжело мне было уже справиться с собственными моими добровольцами, которые после тяжелого похода тоже хотели воспользоваться близостью винного склада. К сожалению, приходится за счет этого винного склада отнести и несколько случаев буйства, которые мне удалось, однако, пресечь в корне. К счастью, отряд не задержался в Риге и уже на следующее утро получил задачу очистить от красных правый берег Двины вплоть до устья реки у Магнусгофа против Усть-Двинска. Задачу эту я возложил на капитана Дыдорова. В следующую ночь части вернулись с большим числом пленных и трофеями, в том числе один исправный броневи́к, который я поручил поручику Мейеру. Броневи́к этот, окрещенный «Россией», участвовал затем в походе на Петроград и заслужил хорошую славу.

Пленных у нас накопилось громадное количество, исчисляемое тысячами. Красноармейцы, бросая оружие, толпами возвращались в город и сдавались нам. Я сконцентрировал их всех на заводе «Проводник». И здесь я не допускал никаких расстрелов, и если были подобные случаи, то произошли они без моего ведома и объяснимы тем глубоким озлоблением, которое вызвано было у многих офицеров и добровольцев, узнавших в Риге, что их родители или братья были зверски убиты большевиками. Но я считаю это чувство озлобления лишь объяснением, а не оправданием факта самоличных расстрелов.

Но уже 24 мая я с частью отряда покинул Ригу для преследования большевиков, отходивших по Псковскому шоссе. Задача наша состояла в обходе лесными дорогами станции Роденпойс для содействия отряду Эйленбурга, направившемуся туда же по шоссе. Недалеко от станции Роденпойс коммунистическая рота, засев в густом лесу, произвела неожиданное нападение на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупреждение дозорами, часть не успела примениться к местным условиям и вовремя развернуться и имела сравнительно значительные потери убитыми и ранеными. Убит был командир эскадрона ротмистр Родкевич, и я выбыл из строя вследствие ранения, одновременно со своим адъютантом поручиком Зейберлихом²⁹.

Но бой благодаря доблести батареи, стрелявшей прямой наводкой под градом пуль, окончился в нашу пользу, и большевики, прекратив огонь, бежали. Вскоре к нам подоспели подкрепления из латышских частей, по шоссе продвинулся Эйленбург, и станция Роденпойс к вечеру была в наших руках.

Преследование большевиков продолжалось и в следующие дни до линии реки Лифляндской Аа.

В городе в это время быстро восстановилась жизнь. Впечатление при взятии Риги от душевного и физического состояния горожан было удручающее. Рассказы о большевистском режиме, о терроре и лишениях превосходили все, что проникло до тех пор в печать. Рассказы эти подтверждались при находке массы расстрелянных и изуродованных трупов. Ко всем бедствиям присоединились форменный голод и эпидемия тифа.

На фоне всеобщего бедствия особенно ярко выделялась картина празднеств в дворянском доме по поводу свадьбы дочери главного комиссара Стучки. Масса гостей съехалась по этому поводу со всех концов России, и, говорят, никогда еще и нигде, ни в одном зале не видано было такого ослепительного количества дорогих камней и драгоценностей, как на гостях товарища Стучки.

После взятия Риги майор Флетчер, как главнокомандующий, назначил градоначальника и начальников отдельных управлений города. Сюда вернулись многие полицейские чины, служившие во время германской оккупации. К сожалению, одновременно вернулись и многие нежелательные элементы, своими действиями подрывавшие авторитет вновь назначенных выс-

ших чинов. Почти одновременно прибыли в Ригу и военные миссии союзных держав и американская продовольственная комиссия. Последняя начала сразу снабжать жителей давно не виданным белым хлебом и организовала образцовые кухни для детей младшего школьного возраста. Вскоре переехало в Ригу и правительство Недриса. Но уже через две недели вся обстановка резко изменилась. В начале июня, при преследовании большевиков, ландесверные части неожиданно наткнулись южнее города Вендена на передовые посты эстонцев, уже очистивших северную часть Венденского и Вольмарского уездов от большевиков. Ландесвер полагал, что встретит у эстонцев поддержку. Но не то случилось. После нескольких случайных выстрелов между передовыми постами эстонцы выдвинули свой бронированный поезд, началась перестрелка, и ландесвер, перейдя в наступление, прогнал эстонцев из города и занял Венден.

Причины конфликта были следующие: балтийцы стремились объединить всю Латвию, эсты же не желали отдавать ту территорию, которую они уже освободили. В этом их поддерживали латыши Северной Лифляндии, признававшие правительство Ульманиса и желавшие сохранить эту полосу края для пополнения войск латышских воинских частей под командою Земитана. Эти предположения не согласовались с программой правительства Недриса, а потому обе стороны согласились встретиться на станции Рамоцкое для обсуждения положения. Но тут произошло недоразумение, чреватое последствиями не только для правительства Недриса и для Балтийского ландесвера, но и косвенным образом для русской Северо-Западной армии на Нарвском фронте. Эстонские делегаты прибыли в бронепоезде. Кто дал первый выстрел – установить не удалось; каждая сторона обвиняет другую, но выстрел был и вызвал перестрелку. Балтийский ландесвер продвинулся вперед и занял город Венден. Через два дня было заключено перемирие.

9 июня междусоюзническая комиссия прибыла в Венден, чтобы уладить дело. Балты предлагали следующие три пункта: 1. Эсты должны отойти к своим этнографическим границам и там продолжать борьбу с большевиками. 2. Латышским мобилизованным частям, находящимся за эстонской линией, должно быть разрешено присоединиться к латышским частям Балтийского ландесвера. 3. Капитан Гольдфельд (Зельтин), который раньше служил в ландесвере, должен быть выдан последнему. Так как на этом соглашении состояться не могло, то союзные представители от себя предложили следующее: 1. Эсты должны очистить латвийскую территорию за исключением трех участков, которые будут очищены позже. 2. Эсты должны сами защищать свои границы от большевиков. 3. Эсты имеют право пользоваться железною дорогою Шванебург – Рамоцкое – Балк для вывоза своих складов, но без права держать здесь войска, за исключением полиции. Эти предложения были приняты комитетом ландесвера. Эсты настояли на том, что они должны предварительно получить согласие своего правительства, а потому следующая встреча была отложена до 16 июня. В этот день стороны опять встретились, но были поставлены перед новым фактором. Только что прибывший из Англии глава всех союзных миссий генерал Гоф, не утвердив вышеизложенных предложений, приказал от себя: 1. Ландесвер должен немедленно отойти за реку Лифляндскую Аа. 2. Все германские части должны покинуть Прибалтийский край и 3. Правительство Ульманиса должно быть признано. Балтийский комитет просил отсрочки в четыре дня для обсуждения вопроса. После длительных прений и обсуждений решено было ввиду угрозы со стороны латышских частей Северной Лифляндии под командою Замитана пригласить Железную дивизию на началах наемных войск, отказаться от перемирия и атаковать эстов с целью заставить их очистить территорию Латвии. Это решение не встретило сочувствия многих из балтов, и полковник Баллод отказался участвовать в этом деле. Ко мне в больницу приехал мой заместитель капитан Дыдоров с докладом о положении, и я дал ему приказание остаться нейтральным, так как, с одной стороны, наш отряд обязался оставаться нейтральным при местных конфликтах, с другой стороны – я ясно понимал, что участие русских частей в боях против эстов могло отразиться самым неблагоприятным образом на отношениях эстов к русским на Нарвском фронте. По настоянию

союзников два батальона моего отряда были отправлены в Либаву, где переняли от уходивших германцев охрану города, а один батальон был оставлен в Риге для несения здесь караульной службы при обострившихся отношениях между германцами и латышами. Ответственность за приказание моему отряду оставаться нейтральным я беру всецело на себя одного. Ко мне в больницу как раз в дни большой слабости после ранения приходил майор Флетчер и просил, чтобы я отменил свое приказание. Я не только отказал ему в этом, но умолял не начинать вооруженного столкновения с эстами. Я ему доказывал, что как бы это вооруженное столкновение ни кончилось, оно будет иметь пагубные последствия для различных населяющих Прибалтику национальностей, так как посеет вражду, которая не кончится, быть может, столетиями. Я считал, что из «приказаний» генерала Гофа одно было приемлемо, а именно отход за реку Лифляндскую Аа. Из этого положения можно было бы продолжать переговоры, и если бы эсты первые повели наступление, то ответственность за это падала бы на них, а не на балтов.

Положение ландесвера, если бы он отошел на рижские позиции, было чрезвычайно выгодное для продолжения переговоров, и следовало предоставить эстонцам инициативу наступления на Ригу. И материальное, и моральное преимущество было бы на стороне ландесвера. Вместо того, майор Флетчер под сильным давлением крайних германофилов и редактора газеты «Rigaesche Zeitung» д-ра Серафима решил предупредить готовившихся к наступлению эстонцев и сам в день окончания перемирия, 20 июня, у Вендена перешел в наступление.

Русский отряд, сформированный для борьбы с большевиками, с обязательством не вмешиваться во внутренние дела Прибалтики, объявил себя нейтральным и был уведен с фронта. Первый и третий батальоны были по просьбе союзных миссий отправлены в Либаву для поддержания порядка в этом городе после ухода германских оккупационных войск, а второй батальон оставлен в Риге для содействия местным гражданским властям.

На фронте дела пошли неважно для ландесвера. Эстонцы, хорошо вооруженные и снабженные англичанами, оказались противником более серьезным, чем большевики. Броневой их поезд оказался живой крепостью, с которой балтийские добровольцы справиться не могли. Началось отступление. Дух добровольцев, быстро поднимавшийся при успехах, так же резко начал падать при неудаче. Война с эстонцами была чрезвычайно непопулярна и большинству из балтийских добровольцев непонятна. Отступление приняло беспорядочный характер и едва не привело к полному развалу ландесвера. Эстонцы, поддержанные латышами северных уездов Лифляндии, под командой полковника Замитана стали подходить к Риге, обстреливая уже предместья. Испорчен был снарядом главный водопровод, и город остался без воды. Шайки германских солдат производили в городе грабежи. Настроение латышских солдат полковника Баллода по отношению германцев и балтийцев со дня на день ухудшалось. На улицах происходили столкновения, при которых пускались в дело ручные гранаты. Полковник Баллод имеет великую заслугу, что сумел сдержать свои части настолько, что дела не приняли более крупных размеров. В Риге вновь началась паника. Все боялись вторжения эстонцев в город и производства ими грабежей и избиений. Вмешались союзные миссии и, чтобы спасти город, уговорили эстонцев заключить перемирие, по которому германские части должны были отойти на запад от Риги до линии речки Миссы на полпути между Митавой и Ригой. Балтийский же ландесвер, впредь до разрешения его судьбы, был отведен и сосредоточен в Туккуме.

Лишь после этого и после того, как все временные учреждения городского управления были эвакуированы из Риги, войска Замитана и эстонцы торжественно вступили в город. Порядок, поддержанный до тех пор совместно латышскими войсками Баллода и 2-м батальоном русского отряда, нигде не был нарушен.

По договору, заключенному между балтийским командованием и эстонцами, Балтийский ландесвер должен был быть очищен от всех чинов германской службы и командование перешло к английскому полковнику Александру.

По окончании переформирования ландесвер из Туккума был отправлен на противобольшевистский фронт у Крейцбурга, откуда, принимая участие во всех боевых действиях, продвинулся совместно с латышами и поляками до линии Режица – Люцен – Двинск, в так называемой Латгалии.

Лишь в феврале 1920 года ландесвер как таковой был расформирован, английский полковник Александр уволен и ландесвер переименован в 13-й Туккумский полк под командою латышских офицеров.

Венденская авантюра после либавской нанесла непоправимый вред положению балтов в стране, хотя я определенно знаю, что большинство из них не сочувствовало ни первой, ни второй аванюре.

Германцы, отступив от Риги, укрепились на линии речки Миссы и реки Курляндской Аа до Шлока. Между германскими и латышскими передовыми постами лежала нейтральная зона. Для проезда из Риги в Митаву и обратно требовалось на каждый раз разрешение как германских, так и латышских властей. Поезда между этими городами не ходили вовсе. В Риге уже летом распространялись тревожные слухи о предстоящем наступлении немцев на Ригу.

Июль 1919 года

Пока происходили все эти события в июне месяце, силы русского отряда стали быстро расти. Из Германии и из Польши, где была организована целая система вербовки и отправки русских военнослужащих, еженедельно прибывали пополнения. Вследствие этого роты могли быть переименованы в батальоны. Сила батальонов была: 1-й батальон – 800 штыков, 2-й – 400 штыков, а 3-й – 300 штыков. Кроме того, был сформирован стрелковый дивизион из 250 спешенных кавалеристов. При отряде имелся эскадрон в 100 коней, одна 4-орудийная полевая и такая же гаубичная батареи, броневой взвод с одним броневином и авиационный отряд с тремя аппаратами. Сформирован был кадр железнодорожного батальона и бригада по эксплуатации железной дороги. Отряд разросся до 3500 человек.

Прибыли также из Германии полковники Бермонд³⁰ и Вырголич³¹ с предложением сформировать отряды с подчинением высшему командованию начальника русского отряда. Формирование этих отрядов происходило в Митаве. Полковник Бермонд дал своему отряду название «Отряд имени графа Келлера». По принципам формирования Бермонд расходился с принципами, принятыми в русском Либавском отряде. В последнем штаты штабов были сокращены до минимума, в отряд принимались офицеры исключительно русской службы, и то с большим разбором; тыловые учреждения были доведены до минимальных размеров, и все пополнения по получении обмундирования немедленно отправлялись на фронт, где вливались в строевые роты. Полковник Бермонд считал целесообразным начать с формирования многочисленных штабов, принимая добровольцами без разбора – офицеров, солдат как германской службы, так и русских, гонясь за количеством в ущерб качеству, и полагал, что формирования должны производиться все в глубоком тылу до того момента, когда отряд разрастется в крупную единицу. Благодаря такой системе формирование отряда не было закончено летом, то есть в период, когда климатические условия могли бы позволить предпринять наступление на большевиков, хотя номинальная сила отряда уже в августе достигла 4 или 5 тысяч человек³².

То же следует сказать о полковнике Вырголиче, который, начав формирование в Митаве, продолжал его в Шавлях³³. Сила его отряда была не более 1500 человек.

Все три отряда, а именно: Либавский (Ливенский), 2-й имени графа Келлера (Бермонда) и 3-й полковника Вырголича объединились в один Западный корпус³⁴ Северо-Западной добровольческой армии.

Ввиду сложившихся обстоятельств, я решил 2 июля выписаться из городской больницы и переехал на моторной лодке в Митаву, где был встречен выстроенными по набережной военными частями полковника Бермонда и Вырголича. Досадно мне было здороваться с этими удалыми истинно русскими частями лежа на носилках. Хотелось повести их скорее в бой, вместо того чтобы сидеть в тылу в Митаве. Закипела организационная работа, началось формирование штаба корпуса, получившего название Западного корпуса Северной (Северо-Западной) армии. Начальником штаба корпуса мною был назначен Генштаба генерал-майор Янов³⁵, артиллерийская часть была поручена полковнику Беляеву, судебная – полковнику Энглеру³⁶, дело передвижения – действительному статскому советнику Зея³⁷, интендантством заведовал полковник Колошкевич, контрразведкой – капитан Шнее, инженерной частью – полковник Ионас, санитарной – д-р Стороженко; казначеем был чиновник Родкевич, адъютантами штаба корпуса – капитан барон Будберг³⁸ и поручик Бакке.

Пришлось руководить распределением пополнений, приходявших почти ежедневно из Германии, распределяя их возможно справедливее между отрядами Бермонда, Вырголича и моим собственным. К сожалению, полковник Бермонд уже в это время подчинялся мне неохотно, вкрадывался в доверие германского штаба, генерала графа фон дер Гольца и получал снабжение более обильное, чем отряды Вырголича и мой собственный. Даже оклады у Бермонда оказались повышенными, чем он вызывал неудовольствие у чинов других русских отрядов, переманивая их к себе. Очевидно, он гнался за количеством, а не за качеством, так как переходили к нему те, которым германская марка была дороже совести; лучшие же люди оставались в своих отрядах, с которыми сроднились.

29 июня ст. ст. (16 июля н. ст.), в день святых апостолов Петра и Павла, был молебен и парад по случаю именин Павла Рафаиловича Бермонда. Так как я был слишком слаб, чтобы присутствовать на параде, полковник Бермонд приказал привести части на улицу, где я жил. Я, поздоровавшись с войсковыми частями, пропустил их церемониальным маршем мимо себя и имел великое удовольствие видеть молодцеватых русских солдат с их офицерами, напимавших выправкой и дисциплиной добрые старые времена.

После парада полковник Бермонд дал завтрак, на котором присутствовал и граф фон дер Гольц. Со слов присутствовавших, полковник Бермонд за завтраком заявил, что его настоящая фамилия не Бермонд, а князь Авалов, и граф фон дер Гольц первый поднял бокал за здоровье князя Авалова.

Мой старый отряд был в это время рассеян по нескольким стоянкам. Штаб отряда с полковником Дыдоровым находился в Митаве, здесь же находилась вновь сформированная гаубичная батарея капитана Андерсона, спешенный кавалерийский дивизион подполковника Казакова³⁹, эскадрон кавалерии и 2-й, под командою генерал-майора Верховского⁴⁰, стоял в Риге. Первый же и третий батальоны под командою подполковника Яновича-Канепа с легкой батареей находились в Либаве для поддержания порядка в городе и порту, после того как немцы увели оттуда свои войска. Сделали же мы это ввиду того, что среди германцев упорно поддерживалось убеждение, что Версальский договор не будет подписан и что военные действия должны будут вскоре возобновиться. Нахождение германских частей в Либаве в то время, как на рейде стоял союзнический флот, повлекло бы гибель всего гарнизона, а потому граф Гольц приказал вывести войска на восток из города, сохраняя в своих руках станцию Прекульн, откуда во время войны построена была немцами железная дорога на Мемель-Тильзит. Подполковник Канеп в Либаве снабжался союзниками или, вернее сказать, англичанами и сумел поставить себя с ними настолько хорошо, что надеялся отделиться совершенно от штаба отряда, стоявшего в Митаве. Его интриги вредно повлияли на настроение этой лучшей части всего отряда, но успех он имел лишь временно, пока состоял начальником Либавского гарнизона. Подчиненные ему части прекрасно показали себя в Либаве и оставили о себе отличную

память, но полковник Канеп, долженствовавший остаться вне политики, переусердствовал: выставил при приезде Ульманиса почетный караул и дозволил некоторым чинам отряда участвовать в хулиганской выходке при разрушении германского памятника у Либавского кургауза.

В течение июля вокруг меня сосредоточилась кипучая организационная работа. Генерал граф фон дер Гольц, понимая, что германцы не долго смогут оставаться в Прибалтике, обратился к генералу Гурко⁴¹, находившемуся тогда в Берлине, с предложением организовать русский Западный фронт. После его отказа приехал генерал Бискупский⁴², но не сговорился ни с графом фон дер Гольцем, ни с полковником Бермондом. Приезжал также Гучков, который, вопреки своей деятельности по разрушению дисциплины в нашей армии в 1917 году, теперь заговорил о воссоздании армии и общей борьбы с большевиками, путь коих был подготовлен приказами по армии того же Гучкова в 1917 году. Приехал и сенатор Бельгард с докладом о деятельности вербовочного бюро в Берлине. Он указал на затруднения, чинимые ему как со стороны самих русских, так и со стороны союзников и известных немецких групп. Приезжал также штабс-ротмистр князь Ширинский-Шихматов⁴³, с которым удалось наладить отправление эшелонов русских воинских чинов из Польши в Митаву. Благодаря содействию союзнических миссий в Варшаве и предупредительности германских пограничных властей дело это великолепно наладилось, в Митаву прибывало до двух эшелонов в неделю, и в Польше записалось в мой отряд до 15 000 добровольцев. В помощь князю Ширинскому-Шихматову я откомандировал нескольких надежных офицеров, и с половины июля пополнения стали поступать ежедневно.

Кроме всех этих лиц, ко мне приходили многие старшие офицеры германской службы. Они желали поступить на русскую службу вместе с вполне готовым вооруженным отрядом. Политические условия не позволяли мне в это время принять такого рода предложения. Я желал сохранить подчиненные мне части русскими, полагая, что воссоздание России должно быть делом наших же рук. Прими я в это время услуги германских добровольцев и финансовую поддержку крупной германской промышленности, мне легко было выставить смешанную армию в 200 000 человек. Но вопрос: спасло ли бы это Россию?

Совершенно иным делом была разработка плана продвижения вверенного мне корпуса на противобольшевистский фронт. Я полагал, что ввиду обострившихся отношений германцев к латышам наступление русских частей на противобольшевистский фронт должно быть проведено минуя Ригу и Центральную Латвию. Я считал продвижение возможным лишь на левом (южном) берегу реки Западной Двины вдоль Московско-Виндавской железной дороги. На высоте Крейцбург – Якобштадт могли, по моим предположениям, начаться совместные действия в соприкосновении с правым флангом латвийской армии. Главным препятствием этого направления было отсутствие мостов через реку Западную Двину, так как оба железнодорожных моста у Крейцбурга и у Двинска были взорваны. Об этом плане у меня нередко были совещания с графом фон дер Гольцем, убежденным в том, что это продвижение было единственным, могущим спасти положение генерала Юденича на Нарвском фронте.

Не имея долгое время известий от генерала Юденича, я в начале июля откомандировал в Финляндию двух офицеров, а именно полковника Беляева и подполковника Бириха, с рапортом о сформировании Западного корпуса и с подробным докладом об общем положении. Но эти офицеры еще не успели вернуться из командировки, и самое формирование корпуса еще не было окончено, когда 9 июля было получено от генерала Юденича приказание о немедленном переводе на Нарвский фронт всего отряда по очищении его от германофильских элементов. Первый Ливенский отряд, не имея в своих рядах германцев, мог быть весьма быстро отправлен на север, требовалось лишь около 10 дней для приведения материальной части в исправность. Но тут, к удивлению всех, было получено из Либавы известие, что распоряжением генерала Гофа 1-й и 3-й батальоны без обозов и без артиллерии и без приказаний командующего отря-

дом поспешно были посажены на английский транспорт и отправлены в Нарву. Трудно объяснить себе эту поспешность, связанную с бестактностью, иначе, как желанием генерала Гофа скорее освободить Либаву от присутствия весьма популярного в городе русского отряда. Эта бесцеремонность вызвала сильное брожение среди всех чинов отряда и повлияла на настроение в весьма отрицательном смысле.

Полковники Бермонд и Вырголич отказались исполнить приказание Юденича – перейти на Нарвский фронт, если союзники не пожелают гарантировать получение от них снабжения, снаряжения и довольствия в тех размерах, в каких это поступало до тех пор от германцев. Так как союзные миссии отказались от выдачи такого обязательства, то эти два отряда остались в Курляндии. Они были затем исключены из состава добровольческого корпуса, и только штаб корпуса вместе со мною последовал в Нарву.

Но до моего отъезда из Риги 28 июля мне пришлось лично поработать в Митаве и Риге в связи с создавшимся новым положением. Приказ о переходе на Нарвский фронт, переданный мне приехавшими на автомобилях в Митаву английскими офицерами – полковником Александром, майором Киненом, майором Истоном и капитаном Бреем (бывший офицер 5-го Александрийского гусарского полка), – явился для меня полною неожиданностью, идущим вразрез с прежде полученными приказами и указаниями и расстраивавшим всю сложную, только что проведенную в жизнь систему пополнения частей. Я сознавал ясно все ужасающие последствия этого приказа для моего детища, для русского дела вообще и для Северо-Западной армии в особенности. Что в тот же день мои части, стоявшие под командою полковника Яновича-Канена, стараниями генерала Гофа уже были погружены без моего ведома, я узнал лишь на следующий день. После минутного размышления я дал английским офицерами лаконический ответ: передать генералу Юденичу, что приказ его будет исполнен. Одновременно я передал письменный рапорт на имя генерала Юденича с донесением, что приказ его будет исполнен и отряд, по приведении в исправность материальной части, может через 10 дней быть погружен для отправки. Граф фон дер Гольц меня правильно понял, когда писал в своих воспоминаниях: «Князь Айвен был старым солдатом и полагал, что, несмотря на полное понимание истинного положения дела, он приказу должен подчиняться».

Что полковник Бермонд отказался исполнить приказ – этого я не одобрял, но понимал вполне его мотивы, а потому приказал исключить его отряд точно так же, как и менее значительный отряд Вырголича, из состава корпуса. Штаб же корпуса после некоторых колебаний решил ехать со мною в Нарву, куда проследовал только один из трех отрядов, а именно Либавский.

С полковником Бермондом я имел длинный разговор и просил его не забывать, что задача остается прежней, а именно: пройти возможно скорее на Двинский противобольшевистский фронт. Я разъяснил ему, что, при создавшихся политических условиях, направление через Ригу и вообще через Лифляндию совершенно отпадает и что его путь следования лежит по южному берегу Западной Двины, с использованием двух железных дорог – Московско-Виндавской до Крейцбурга и, с согласия Литвы, железной дороги от Шавель до Калкун. С моими доводами полковник Бермонд согласился, обещал мне лично ни в коем случае не идти через Ригу или Лифляндию и даже обещал при встрече на общем Северо-Западном фронте вновь добровольно подчиниться мне как командиру корпуса. На этом мы расстались: к сожалению, он своего обещания не сдержал и разбился об Ригу, никогда не достигнув противобольшевистского фронта.

Перед отъездом я сделал графу фон дер Гольцу прощальный визит, во время которого он выразил полную надежду, что русскими частями, остающимися в Курляндии, своевременно будет оказана генералу Юденичу помощь на правом фланге.

Командир Железной дивизии майор Бишоф пригласил меня на ужин, на котором присутствовали старшие русские офицеры, и выразил наилучшие пожелания для успешной борьбы с

большевиками. Я поблагодарил за доброе пожелание и за установившиеся в совместной работе хорошие отношения.

Расставшись с Митавой, я попал в Ригу, где мне пришлось продолжать работу с англичанами. Чрезвычайно отзывчиво отнесся ко мне начальник английской военной миссии генерал Бырт. В Ригу приехал и генерал Гоф, начальник всех союзных миссий на побережье Балтийского моря. Лично он был весьма любезен, приехал ко мне на квартиру ввиду затруднительности для меня ходить, но произвел на меня впечатление чрезвычайно неискреннего человека. Дальнейшее доказало, что он явился злейшим врагом русских начинаний и не допускал возможности совместной работы русских с германцами на противобольшевистском фронте.

Насколько легкомысленно была задумана вся переправа моего отряда из Южной Прибалтики в Нарву, можно усмотреть из того, что никто не позаботился о снабжении меня средствами. Германцы уплатили полностью месячное жалованье всем чинам уезжающего отряда, выдали полностью снаряжение, обозы, артиллерию и большой запас снарядов, но для переброски войск требовались новые крупные средства.

Прибыл из Польши эшелон, так называемый Тульский, с капитаном Стрекопытовым⁴⁴. Чины этого отряда были необуты, не одеты, жалованья не получали, и пришлось их хоть кое-чем удовлетворить. Выручил лично генерал Бырт, который под собственноручную долговую расписку и за личной ответственностью получил из Латвийского казначейства 800 000 рублей царскими. Он же озаботился о снабжении последних эшелонов, еще неорганизованных, походными кухнями, которые он получил заимообразно от латвийской армии. Всего из Риги было отправлено шесть транспортных пароходов и два воинских поезда в Нарву. С одним из последних пароходов – «Princesse Marguerite» – я уехал со штабом корпуса. Русские рижане собрались на набережной проводить меня. Был отслужен напутственный молебен, на котором великолепно пел хор госпожи Лишиной. Прощание было трогательным, все полны были надежд на успех под Петроградом.

Этим окончилась, собственно говоря, моя активная деятельность в Южной Прибалтике, где мне пришлось встретиться с самыми запутанными политическими условиями.

Чтобы правильно понять события, происходившие в это время в Прибалтике, надо уяснить себе те силы, которые влияли на ход событий в этом крае в течение года. До заключения Германией общего перемирия, единственным влиянием здесь было германское. Казалось, что край так или иначе связан с судьбой Германской империи. Только немногие, более дальновидные, сомневались в победе германцев и предвидели, что при восстановлении России, вопрос о Прибалтике будет подвержен ревизии.

Положение резко изменилось, когда после германской революции и развала фронта германское правительство наскоро организовало две новые республики – Эстонию и Латвию – и передало вновь сформированным правительствам этих республик соответствующие территории. Все это делалось под давлением событий на фронте с такою поспешностью, что об упорядочении условий будущей политической и экономической организации и речи быть не могло. Эстония уже с декабря 1918 года была отрезана от германского влияния вторгнувшимися в Латвию большевиками, а сама Латвия не успела организовать, когда правительству пришлось бежать из Риги. В той и другой республике власть перешла к партии национально-шовинистически настроенной, что, прежде всего в Эстонии, тяжело отразилось на поместном дворянстве, земли коего были национализированы. В Латвии благодаря военным событиям обострение отношений началось позже.

Вскоре в Балтийском море появились союзные флоты, и влияние Антанты, в особенности Англии, стало решающим фактором на Балтийском побережье.

Только явная опасность большевистского продвижения заставила державы Согласия допустить до поры до времени дальнейшее пребывание германских войск в Курляндии.

С этого момента все дальнейшие события станут понятными, если смотреть на них как на продолжение состязания между Антантой и Германией на бывшей русской территории. При этом борьба с большевизмом является лишь предлогом для тех или иных мер. Державами Согласия опасность большевизма недооценена, германская же опасность переоценивалась и внушала больше опасений, чем угроза большевизма.

Германцы же со своей стороны боролись с большевиками только постольку поскольку последние представляли угрозу восточным границам германского государства. Поэтому они не брезговали пользоваться большевиками там, где могли непосредственно или косвенно нанести вред державам Согласия.

Один высокопоставленный германский генерал объяснил это откровенно русскому офицеру Генерального штаба и прибавил, что он, к своему великому сожалению, поставлен в необходимость вести дело так, чтобы его правая рука не знала, что делает левая.

Один из высших офицеров германской оккупационной армии объяснил, что германские патриоты, ввиду невыполнимости условий мира, предлагаемых Германии, согласны были бы впустить в страну большевиков. «Конечно, – прибавил он, – большевики разорили бы Германию, но, несомненно, заразили бы и государства Согласия, причем вред, нанесенный последним, настолько превосходил бы вред, нанесенный Германии, что последняя могла бы политически и экономически возродиться раньше других и вновь взять на себя руководящую роль в Европе».

Одно стало теперь ясно всем русским патриотам, а именно: что при таких взглядах на положение как держав Согласия, так и Германии интересы России обязательно должны будут страдать. Несомненно, из всех стран Германия для собственного благополучия была наиболее заинтересована в восстановлении единой России, но при этом она бдительно следила, чтобы это воссоздание не случилось бы при помощи союзников бывшей царской России. Из этого станет ясно то недоброжелательство, которое Германия выказывала к тем русским армиям, которые боролись с большевиками, при поддержке в той или иной мере союзниками. Германия неоднократно предлагала русским свою помощь, но при создавшейся политической обстановке это означало для России отказ от поддержки союзников, на что антибольшевистская Россия, считавшая, что она союза с державами не нарушала и что союз еще в силе, идти не могла. Русские патриоты надеялись, что большевистская опасность заставит государства Согласия и Германию найти общую почву для общей борьбы с все более угрожающим мировым пожаром.

На отношение союзных миссий к вопросу воссоздания России всегда влияли те или иные события, как то: выступления у себя дома социалистических партий, забастовки или угрозы забастовок и успех или неуспех советской Красной армии. На вопрос вооруженного вмешательства влияло также чувство неуверенности в возможности пустить в дело войска, утомленные войною. Этим объясняется, что обещания, данные сегодня, завтра брались обратно, снабжения, обещанные к известному сроку, не приходили, а если приходили, то с запозданием или в негодном состоянии. Например, аэропланы, присланные в Северо-Западную армию, прибыли с неподходящими моторами, танки, кроме одного исправного, не могли быть вовремя пущены в дело, многие орудия прибыли без замков.

Нельзя отрицать факт, что среди представителей союзных миссий было много горячих друзей России, и они более других страдали от чувства невозможности помочь своим русским друзьям более энергично. Но вообще, конечно, надо сказать, что руководители союзной международной политики доказали, что они не были заинтересованы в восстановлении сильной России; в особенности Англия была заинтересована в ослаблении русского влияния на Балтийском море.

Когда два русских миноносца большевистского флота из Кронштадта сдались англичанам, то последние передали суда эстонцам. Это так обозлило русских, что уже другие суда большевистского флота решили не переходить к так называемым белым, хотя этот переход и

был подготовлен. Вместо того чтобы облегчить переход, англичане удивительно лихим налетом быстроходными моторными лодками атаковали стоявшие на Кронштадтском рейде суда русского большевистского флота и попытались его уничтожить. Ясно, что в интересах русской армии было не уничтожение ценного русского флота, а облегчение его перехода, чем был бы предпринят и вопрос о взятии Петрограда.

Когда русскими был возбужден вопрос о получении от англичан разрешения временно создать в Либавском военном порту базу для пополнений, предназначенных для Северо-Западной армии, то английская миссия генерала Гофа поторопилась ускорить отправку в Нарву русских частей, стоявших в Либаве, даже с нарушением основных правил приличия, передав русским батальонам приказание грузиться помимо их прямого начальства.

Где бы ни усиливалось на Балтийском побережье русское влияние – английская дипломатия принимала меры для ослабления его. Французы, и в особенности американцы, относились благосклоннее к русскому вопросу, и это они, где могли, горячо доказывали, но влияние их в балтийском районе было ограниченное.

Много близорукости союзники показали в истории генерала графа фон дер Гольца и русского полковника Бермонда. Еще в июле 1919 года, когда Ливенский отряд был переправлен из Курляндии к Юденичу в Нарву, а Бермонд остался в Митаве, можно было легко заставить его перейти на север, обеспечив отряд из средств союзников тем же самым, чем его до тех пор обеспечивали немцы. Сила последних состояла именно в том, что они фактически выдавали довольствие, снаряжение и все необходимое частям, между тем как союзники от слов не переходили к делу.

Близоруко также было отношение союзных миссий к вопросу о принятии небольшого количества германских добровольцев в русские отряды. Во Франции существуют иностранные легионы; организация таких легионов никогда не привела бы к германизации России, при условии, чтобы командный состав в таких легионах был русский. Прибудь отряд Бермонда с пополнением из русских военных лагерей в Германии и из Польши вовремя в Нарву, хорошо снабженный союзниками, судьба всего фронта, несомненно, была бы другая. Отказав в материальной помощи Бермонду, союзники заставили его сделаться агентом немцев, от которых он всецело зависел и которые умели льстить его тщеславию.

Конечно, и помощь германцев была, с русской точки зрения, сомнительной. Германцы не желали многим рисковать для восстановления России, опасаясь возобновления ею союза с державами Антанты. Поэтому присутствие германских войск графа фон дер Гольца в Курляндии, конечно, не должно быть объяснено его желанием помочь России.

Объясняется оно проще: с одной стороны – желанием удержать Западную Курляндию для целей колонизации на основании договора с латвийским правительством, а с другой – желанием иметь вне Германии плацдарм для формирования германской армии, монархически настроенной и предназначавшейся для восстановления монархии сперва в Германии, а затем, с помощью Германии, и в России.

План этот не удался и не мог удался, ввиду деморализации всех войск, как германских, так и русских, полковника Бермонда. Деморализация же должна была наступить вполне естественно, ввиду продолжительного стояния этих войск на месте в окрестностях Митавы, где им представлялась полная возможность для пьянства и разгула. Здесь стали исчезать последние следы дисциплины, как в германских, так и в русских частях. Грабежи и вымогательства сделались обыденным явлением и восстанавливали все более и более население против себя. Между Гольцем и союзными миссиями в Риге все время шли переговоры об эвакуации Курляндии германскими войсками, но генерал граф фон дер Гольц под всевозможными предложениями умел оттягивать исполнение взятых на себя обязательств, и на место отправленного на родину эшелона уволенных германцев прибывал в Митаву эшелон со свежими добровольцами из Германии, что объяснялось как необходимость обеспечения правильной эвакуации Курляндии.

Граф фон дер Гольц, по настоянию Верховного Совета в Париже, был отозван из Курляндии, и в его отсутствие произошел в конце августа военный мятеж среди германских добровольцев, требовавших для себя исполнения обязательства относительно отведения им земель для поселения в Курляндии.

От этого восстания пострадали те небольшие латышские части, которые находились в Митаве и которых добровольцы, пользуясь случаем, ограбили.

Очевидно, как латвийское правительство, так и союзные миссии в Риге с возрастающим недоверием относились к Гольцу и Бермонду, передовые посты которых стояли лишь в 20 верстах от Риги. Но справиться с ними никто не мог бы, если бы Бермонд сам не дал повода к вооруженному столкновению.

К. Дыдоров⁴⁵

Формирование русского отряда⁴⁶

В период образования правительства Латвии, в первых числах ноября 1918 года, в зале Латышского общества в Риге собралась значительная группа лиц, задавшаяся целью не допускать в Латвию большевиков, после оставления германскими войсками занятого ими района, и этим дать возможность спокойно образоваться латвийскому государству.

В этом собрании приняли участие и русские люди, так или иначе связанные с Латвией, и те, кто случайно попал сюда, но которые поставили себе задачей борьбу с коммунистами.

Решено было начать образование воинских частей, которые дали бы возможность правительству Латвии защищать свои границы. Германское командование обещало содействовать материально, а общественные организации поддерживали это начинание морально.

Уже 15 ноября было приступлено к формированию Рижского отряда охраны Балтийского края, в который входила и Русская Сводная рота (Русская рота называлась еще и Сводной, потому что в ее состав входили все национальности).

Командование Рижским отрядом в первые дни было коллективным. Приказы подписывались четырьмя представителями, по одному от латышей, немцев, русских и одним поляком от других национальностей.

Очень скоро командование стало германским. Ober-штаб платил жалованье, выдавал обмундирование, вооружение и снаряжение.

Город отпускал продовольствие, давал помещение, освещение и отопление.

Со стороны образовавшегося латвийского правительства были обещаны права гражданства всем участникам в освобождении Латвии за 3-месячное пребывание на фронте или за 6-месячную службу в тыловых частях.

Вслед за отходом германских войск на территорию Латвии началось движение большевиков. Часть Русской Сводной роты, совместно с другими добровольцами от образовавшихся частей, принимала участие в отбитии наступления большевиков в районе Огера и в районе Хинценберга (Дыдоров с другими). Эти попытки убедили всех начальников и латвийское правительство в необходимости отойти возможно дальше, чтобы образовать значительно сильную воинскую часть, и тогда планомерно вести борьбу за освобождение Латвии от большевиков.

Русская Сводная рота отступила вместе с другими через Митаву на Либаву (8 января 1919 года). Здесь был дан срок на подготовку к решительной борьбе.

В это же время в Либаве образовался Стрелковый отряд светлейшего князя Ливена (15 января 1919 года). 22 января 1919 года Русской Сводной роте приказано было выступить из Либавы в имение Рудбарен и поступить в подчинение полковника Колпака. 28 января 1919 года рота, под общим командованием полковника Колпака и под непосредственным подчинением командиру отдельного латвийского батальона, брала местечко Шрунден, действуя на открытом участке.

После взятия Шрундена рота осталась там гарнизоном и защищала шрунденские позиции, держа связь с полковником Колпаком.

При взятии Шрундена русским командованием впервые была замечена настороженность во взаимоотношениях латышских частей к немецким. В дальнейшем это становилось заметнее, так что во всех случаях взаимных действий русские части ставились между латышами и немцами. Составу Русской Сводной роты удалось быть в добрых отношениях с немцами и в очень хороших отношениях с латышами – чувствовалось взаимное доверие.

По составу своему Русская Сводная рота была примерно из 25 процентов латышей, 5 процентов немцев, 5 процентов других национальностей и 65 процентов русских.

После взятия Гольдингена Русская Сводная рота была передвинута в Гольдинген, около которого произошло 8 марта 1919 года слияние 2 русских частей в один отряд св. кн. Ливена.

Когда участникам в освобождении Латвии удалось дойти до реки Аа (Курляндской), здесь, после освобождения города Митавы, отряду князя Ливена был снова дан участок фронта между латышскими и немецкими частями.

По отбитии контратак большевиков на город Митаву отряд князя Ливена получил благодарность за свои действия в письменной форме от министра правительства Латвии и в заседании городской думы города Митавы.

В Кальнеце 2 латышские роты были в оперативном отношении подчинены отряду князя Ливена, что свидетельствует о добрых взаимоотношениях между командованием латышских и русских частей. В частности, с генералом Баллодом и его начальником штаба полковником Болыптейном была полная согласованность при разрешении тех весьма сложных вопросов, которые тогда имели место (апрельская история в Либаве).

Русское командование ставило себе задачей борьбу с коммунистами, без вмешательства в государственное строительство Латвии.

Как знак выполнения правительством Латвии своих обещаний, в имени Рудбарен в феврале 1919 года впервые были запрошены сведения о тех, кто из состава Русско-Сводной роты прослужил на фронте

3 месяца и в тылу 6 месяцев, для получения прав гражданства. В дальнейшем эти запросы не поступали, что русским командованием объяснялось важностью разрешения более сложных и существенных задач – боевых.

По освобождении города Риги в задачу русского командования обер-штабом было поставлено очищение районов к северу и северо-востоку от города Риги. При выполнении второй задачи начальник отряда светлейший князь Ливен был тяжело ранен. Здесь, к северу от линии Роденпойс – Хинценберг, отряд 24 мая 1919 года понес самые тяжелые потери убитыми и ранеными за все время боевых действий по освобождению Латвии от большевиков. В дальнейшем отряду было весьма тяжело правильно согласовать свои действия, являясь стыком между латышами и немцами. Особенно резко это сказалось при разрешении вопроса об освобождении Венденского района.

Немецкое командование сообщало, что район Венден занят большевиками. Генерал Баллод лично передавал и. д. начальника отряда, что в этом районе находятся белые латышские и эстонские части. Когда был получен приказ обер-штаба о переходе отряда в наступление на участок непосредственно к югу от города Вендена, в стык между латышскими и немецкими частями, и. д. начальника отряда снова лично говорил с генералом Баллодом и получил, будучи в больнице у светлейшего князя Ливена, определенное приказание от князя Ливена не вступать в бой с эстонцами, для чего действовать по совести, быть осторожным и держать связь с частями генерала Баллода, согласуя с их указаниями свои действия. После этого и. д. начальника отряда отдал приказ выступить на указанный обер-штабом участок, имея впереди возможно дальнюю разведку.

Когда выяснилась неправильность сведений обер-штаба о противнике, и. д. начальника отряда вошел в переговоры с эстонцами, установил с ними 3-верстную нейтральную полосу и отказался продолжать всякое движение на восток, предложив обер-штабу перевести отряд на участок латышской бригады в район к Крейцбургу.

Обер-штабом был поднят вопрос о смещении и. д. начальника отряда, но князь Ливен с этим не согласился, и тогда обер-штаб предложил сменить части отряда на участке под Венденом и дать задачу по охране линии железной дороги Рига – Венден.

От такой задачи и. д. начальника отряда также отказался, так как генерал Баллод сообщил, что к северу от этой линии находятся латышские части полковника Замитана. После этого

и. д. начальника отряда предложил обер-штабу в течение суток сменить отряд на участке к югу от Вендена, в противном случае отряд отойдет без смены. Сутки прошли – отряд не сменяли.

Было послано напоминание в обер-штаб, и в то же время отряд начал свертываться. Во время сворачивания отряда прибыла смена.

Боевая часть отряда была отправлена обер-штабом в Либаву как гарнизон, с подчинением английскому командованию, а формирующаяся часть должна была нести в городе Риге всю караульную службу, каковую и исполняла до последних чисел июля, согласно указаниям генерала Баллода. Тыловые учреждения были переведены в город Митаву, как центральное место между Ригой и Либавой. Чем кончилась операция обер-штаба под Венденом – известно. Видимо, обер-штаб был неверно осведомлен о противнике, в результате – «своя своих не познаша».

Из письма полковника К.И. Дыдорова¹

«...В ноябре 1918 года начала образовываться самостоятельная Латвия. Правительству понадобилась охрана государства, и вот начала организовываться армия. В этом деле я принимал живое участие, как представитель от русской группы. Решено было сперва образовать так называемые местные охраны. В Риге образовался Рижский отряд охраны Балтийского края, состоявший сперва из одной латышской, одной немецкой и одной русской роты, но потом латыши с немцами пошли взапуски и начали собирать одну роту за другой. Все это делалось с помощью германцев, и я должен сказать, что германцы действительно помогали.

В Риге мы несли охранную службу и помогали полиции в подавлении большевистских выступлений. В это время германцы отходили, а большевики замещали их и разбивали образовавшуюся Северо-Западную армию.

Пришлось и нам пойти навстречу большевикам. Мы удерживали их наступления и в конце концов, отсалютовав им, отступили из Риги и, пройдя Митаву, собрались в Либаве.

2 января 1919 года, оставив женку и мальчика в Риге, на волю Бога, я пошел в неизвестность. Из-за малыша еще в зимнее время женка не решалась отрываться от дома и родителей, несмотря на явную опасность. 22 января, пополнившись и переформировавшись за время в течение 2 недель, я со своей ротой выступил на фронт, который в это время удерживался латышскими ротами и германской Железной, или, как ее еще называли, Жестяной дивизией.

Меня с ротой придали образовавшемуся Латышскому батальону, и здесь мне впервые пришлось работать с национальными героями – полковником Колпаком и капитаном, теперь генералом, Баллодом. Дрались здорово. Шли ва-банк и таким образом дошли до Риги, где были 22 мая, и пошли дальше.

Семью я нашел целой и здоровой, несмотря на то что поголодала она здорово.

На полдороге к Риге я присоединился к другому русскому отряду, во главе которого стоял князь Ливен. С ним я очень сдружился, и отряд у нас рос всюду, конечно, не в ущерб качеству. За Ригой князь Ливен был тяжело и опасно ранен и, таким образом, выбыл из строя. Несмотря на это, организационную работу он не выпустил из своих рук и, лежа на операционном столе, продолжал ее вести, передав мне всю строевую часть».

---

¹ Опубликовано в той же Памятке Ливенца (см. комментарий 46).

Г. Цельмин⁴⁷ 1919 год⁴⁸

Весь отряд светлейшего князя Ливена состоял тогда всего из 60 человек, главным образом бывших русских офицеров, под личным водительством князя Ливена и его помощника полковника Р.⁴⁹

В Альшвангене мы стояли вполне изолированные и первоначально не имели никакой связи с другими частями ландесвера. Гольдинген и Виндава были еще в руках красных.

Служба была очень утомительная. Мы были окружены настоящими и скрытыми большевиками. Приходилось быть все время начеку. По ночам мало приходилось думать о сне. Большевики нас боялись и переоценивали наши силы. Настроение нашего маленького отряда было отличное, но ввиду нашей малочисленности мы едва ли были бы в состоянии выдержать серьезное наступление противника.

В ночь с 19-го на 20 февраля мы перешли в Тервенден и выставили на нашем левом фланге, на берегу моря у Сернатена, в 10 верстах от Тервендена, полевую заставу.

22 февраля мы имели первую стычку с большевиками. Мы узнали, что в Хассау (10 верст севернее Сернатена) находится большевистская часть, силою в 50 штыков. Решено было произвести на них нападение. Вызвалось 15 охотников, в том числе и я. Мы выехали на трех санях, под командой поручика Моисеева, захватив с собою 2 германских пулемета, один тяжелый и один легкий. Налет удался, потерь мы не имели, большевики убежали, оставив на месте нескольких убитых. Наутро мы вернулись на заставу, откуда часть добровольцев была отправлена обратно в Тервенден.

23 марта на заставе был захвачен большевистский шпион. Его повели вечером на расстрел, но ввиду наступившей темноты и нерешительности начальника заставы поручика Моисеева он бежал. След его ночью был потерян. Нет сомнения, что этот шпион установил малочисленность заставы. Большевики решили произвести нападение.

Под утро 24 марта мы слышали в Тервендене стрельбу со стороны Сернатена. Через некоторое время вдруг появился поручик Моисеев, бледный и растерянный, и донес, что большевики под утро атаковали заставу и он один спасся. Это был для нас ужасный удар. Был выслан в Сернатен патруль, пошли поручики Скангель, Розевский, Ламек и я. Мы должны были по другой дороге пройти до моря, чтобы, подойдя к Сернатену с другой стороны, проверить донесение Моисеева. В 5 верстах от Тервендена, в густом лесу, мы встретили барона Будберга, высланного капитаном Зелертом с донесением, что на заставе все целы. Наша радость была велика, но мы решили идти дальше. Пройдя еще 2 версты, мы встретили капитана Зелерта с остальными чинами заставы, недоставало только поручика Погге⁵⁰, который через 2 дня, проплутав в лесу, присоединился к отряду. Спасение заставы было делом Зелерта.

Когда большевики открыли с некоторого расстояния огонь по заставе, поручик Моисеев растерялся и бежал в панике, увлекая за собою и других.

После бегства Моисеева Зелерт собрал людей, вернулся на заставу и, захватив с собою сани и снаряжение, спокойно отошел. Он со своими слабыми силами держать заставу не мог.

После встречи с Зелертом наш патруль дошел до шоссе у берега моря и наткнулся на большевистский полевой караул, который открыл огонь. Мы ответили.

Исполнив возложенную на нас задачу, мы вернулись в Тервенден. Тогда полк. Р. выставил в усадьбе Дембе новую заставу, под командой поручика Тимофеева.

Эта заставка была ночью с 25-го на 26 февраля снята, так как отряд получил приказ о выступлении в направлении Виндавы. Приказ этот был встречен с большой радостью.

В тот же вечер отряд выступил на санях в Виндаву. Ночь была холодная. Расстояние до Виндавы – более 30 верст. В пути мы объединились с другими частями ландесвера и подошли к Виндаве к утру; по пути мы ликвидировали несколько большевистских гнезд. Большевики были застигнуты врасплох. К 10 часам утра мы атаковали город и в полдень находились в центре Виндавы, на базарной площади.

Потерь у нас не было.

В Виндаве мы остались 5 дней. За эти дни мы отдохнули, привели себя в порядок и очистили город от красных.

3 марта нас срочно вызвали в Гольдинген, находившийся под угрозой нового наступления большевиков. Гарнизон города был весьма незначителен.

5 марта в Гольдингене мы слились с русской ротой капитана Дыдорова, силою в 100 штыков. Так как в Виндаве к нам поступило несколько добровольцев, то отряд наш вырос до 200 человек.

Митава

В Митаву мы вступили 15 марта после полудня.

Мы полагали, что тут насладимся заслуженным отдыхом, но большевики в Риге решили вернуть себе Митаву. Значительные красные силы, около 5000 штыков (в том числе лучший, так называемый Интернациональный полк, состоявший главным образом из германских военнопленных, инородцев и прочей сволочи), с бронепоездом, броневиками, тяжелыми и легкими пушками были двинуты на Митаву.

В Митаве, кроме нашего отряда, находилось 300 человек ландесвера. Весь гарнизон состоял из 500 человек с одним легким оружием.

17 марта большевики начали днем обстреливать Митаву артиллерийским огнем. Когда начался обстрел, большая часть наших людей рассеялась по городу. Мы, пулеметчики, были расквартированы в доме дворянства. Когда гранаты начали рваться на улицах, все собрались возможно быстро. Между тем большевики начали приближаться к главному посту. С тремя пулеметами мы залегли под личным командованием князя вдоль берега реки Аа, перед замком, и открыли сильный огонь.

Большевики отступили от моста. Наши части, преследуя их, перешли реку и засели в старых окопах, на противоположном берегу. Чтобы задержать наступление красных броневику, мы в одной версте впереди нашей позиции срубили несколько деревьев и устроили поперек шоссе баррикаду.

Ночью большевики несколько раз пытались нас атаковать, но были отброшены. Когда рассвело, большевики открыли стрельбу из орудий и минометов.

Хотя день был солнечный, было очень холодно – до 10 градусов мороза. С пищей у нас обстояло неблагоприятно. Ввиду сильного обстрела мостов, наши кухни не могли к нам подойти, и мы провели двое суток под огнем без пищи.

К вечеру 18 марта положение стало настолько критическим, что мы думали оставить Митаву. Большевики заняли направо от нас товарную станцию Московско-Виндавской железной дороги.

По слухам, они начали обходить город с севера. Если бы этот обход им удался, мы бы пропали. Наше настроение, ввиду холода, отсутствия сна и пищи, начало падать, но как раз к этому времени с юга от Бауска подошло около 1000 солдат Железной дивизии.

В темноте нас сменили, и мы вернулись в дом дворянства. Никто не думал о еде, а лишь о том, чтобы согреться и скорее залечь спать.

Сторожевое охранение на реке Курляндской Аа

19 марта мы получили приказ о наступлении, чтобы задержать перешедших реку большевиков.

Ночь на 20 марта мы, пулеметчики, провели на мызе Шведгоф. Была ужасная метель, и мы заночевали не выставив постов. На следующее утро мы узнали, что в 2 верстах ночевали красные. Если бы они на нас напали, едва ли кто-либо из нас спасся бы.

С отрядом мы двинулись к реке Аа и около полудня у усадьбы Мислав наткнулись на красных. После оживленного боя большевики бежали за реку, оставив на месте нескольких убитых.

Мислав – большая усадьба с многочисленными хозяйственными постройками. Мы заняли ее с 12 штыками при 2 пулеметах.

Следующая усадьба (5 верст севернее по реке в направлении Кальнецема) была тоже занята полевой заставой.

Главные силы отряда отошли в Ливенберзен (в 8 верстах от Мислава). Я с пулеметчиками остался в Миславе.

Первые дни в Миславе прошли спокойно. Наши патрули переходили по льду на правый берег реки, не встречая противника.

22 марта, после обеда, посты подняли тревогу: на опушке леса, на противоположном берегу, появились красные. Мы открыли по ним огонь из пулеметов, после чего большевики, отступив к лесу, заняли здания монастыря, лежащего на дороге в Митаву.

Ночью они оттуда открыли огонь по нашей заставе. Тогда от нас была выслана разведка, которая установила, что силы большевиков довольно значительны. На следующий день большевики придвинули артиллерию и начали нас обстреливать и подожгли один сарай.

В течение 5 дней они обстреливали нас – днем из орудий, а ночью из пулеметов. Нас на заставе было всего 25 человек. Мы имели потери (1 убитый и несколько раненых). Служба была очень утомительная. Спать приходилось редко и то в очередь.

На заставе, лежавшей на севере от нас, в направлении Кальнецема, было все время спокойно, хотя на противоположном берегу видны были красные посты.

28 марта мы обменялись заставами и немного отдохнули.

29 марта капитан Зелерт с 8 добровольцами произвел глубокую разведку, причем имел столкновение с красными, потеряв одного из наших убитым.

16 апреля Мислав подвергся обстрелу, при чем был тяжело ранен ротный Реет.

Начался разлив реки, низменные берега были затоплены. Подвоз снабжения был чрезвычайно затруднен. На этом закончилась наша сторожевая служба. Нас вызвали обратно к отряду, в котором началась тифозная эпидемия. Отряд был снят с передовых позиций и подвергнут дезинфекции.

Выбраться нам с заставы было не так-то легко. Все дороги были затоплены.

В Митаве умер всеми любимый полковник Р., и на его место заступил капитан Дыдоров.

Под его руководством наш отряд, получавший в то время пополнения, был размещен по усадьбам, и тут производилось ежедневное учение и подготовка к дальнейшему наступлению.

Кальнецем

14 мая мы получили приказ сменить у Кальнецема роту ландесвера (Радена⁵¹). Полковник Якубовский, капитан Эшшольц и я получили приказание осмотреть позицию. При этом оказалось, что рота Радена была численно вдвое больше нашей части.

16 мая мы выступили. На правый берег реки перешла часть пехоты под командою поручика Московского; вперед были выдвинуты капитан Зелерт с 15 людьми и взвод пулеметчиков с 3 пулеметами. На левом берегу остались кавалерия, артиллерия, офицерская рота с 1 пулеметом. Кальнецемский предмостный плацдарм имел большое значение для предстоящих операций. Поддержаны мы были одной латышской ротой в 90 штыков, которая стояла левее нас.

Большевики правильно оценивали значение этой позиции, а потому получили приказ во что бы то ни стало нас оттеснить на левый берег реки. Красные, силою около 1000 штыков, с батареей, стояли в Кливенгофе, в 3 верстах от нас.

В ночь с 19-го на 20 мая, в 3 часа, противник, получив из Риги подкрепление, неожиданно перешел в наступление. При этом он застал врасплох выдвинутое пулеметное отделение, под командою поручика Погге 1-го. Его позиция была очень невыгодная, так как в 30 шагах от него начинался густой ивовый кустарник. Большевики убили двух пулеметчиков, в том числе добровольца Зандберга, ранили трех и захватили пулемет.

Пехота, под командою поручика Московского, тоже должна была отступить. Появилась угроза Кальнецему.

Положение спасли капитан Зелерт и поручик Геннингсон. Последний стоял с пулеметом в 200 шагах от пехоты, левее ее. Соединившись с отступавшей пехотою, он открыл по красным настолько действенный огонь, что они, потеряв нескольких красноармейцев убитыми, быстро отошли.

Капитан Зелерт, слыша стрельбу и «ура» большевиков, быстро подошел со своей заставой и атаковал большевиков во фланг. Последние начали быстро отступать; капитан Зелерт преследовал их и отобрал у них пулемет, потерянный поручиком Погге. Через 20 минут подошло наше подкрепление из Кальнецема, и положение было восстановлено. Мы имели 3 убитых, 6 раненых, в том числе поручика Тимофеева.

20 мая большевики нас обстреливали своими батареями. Наша артиллерия отвечала с левого берега. Под вечер капитан Роль перешел на наш берег с одним орудием, из которого открыл огонь по красным.

День 21 мая прошел спокойно, с редкою стрельбою. Днем до нас дошла радостная весть, что на 22-е назначено давно ожидавшееся наступление на Ригу. Получив это известие, мы сразу начали закупать масло и сало для наших родственников и знакомых. Вечером прибыли в Кальнецем князь Ливен и командир ландесвера майор Флетчер.

Наступление на Ригу

Части ландесвера ночью перешли на левый берег реки. Стало светать, ландесвер начал наступление на Кливенгоф, в направлении Риги. Мы должны были пропустить его через занимаемые нами передовые позиции и затем идти по Кальнецемской дороге на мызу Пинкенгоф.

Большевики заметили это и открыли артиллерийский огонь по Кальнецему и по дороге в Кливенгоф. Стреляли они хорошо. Снаряды рвались на дороге. Но уже через полчаса ландесвер прорвался через линию красных.

Между тем к нам подошли наши части, стоявшие еще на правом берегу, и в 5 часов утра 22 мая мы с нашим князем во главе с криками «Ура!» двинулись в направлении Риги. День был жаркий, но никто не думал об отдыхе. Все рвалось вперед. Мы прошли расстояние в 10 верст от Кальнецема до Риги в 10 часов, и в 3 часа были у самого города, в предместье Шампетер. Тут мы узнали, что город был уже взят совместными усилиями ландесвера и подоспевшей из Митавы по шоссе Железной дивизией.

В 5 часов дня мы перешли деревянный мост через Двину и были восторженно встречены населением. Мы проходили по улицам с русским флагом под пение лихих русских песен.

Пулеметчики в городе не задержались и прошли до Красной Двины, где заняли позиции у Царского леса.

Утром 23 мая большевики начали обстрел города из тяжелых орудий Магнусгольмского форта. Туда днем был двинут Ливенский отряд под командою капитана Дыдорова. В пути мы узнали, что красный гарнизон собирается сдаться, так как его начальник, известный комиссар Данишевский, бежал.

По приказанию капитана Дыдорова я имел честь быть высланным в разведку, первым вступить в форт и принять сдачу красной роты под командою подпоручика Шмидта.

Через 10 минут прибыл капитан Дыдоров с ротою в 35 штыков, и ему сдался весь гарнизон – 600 человек. Офицерская рота под командою полковника Пясецкого по недоразумению опоздала к занятию Магнусгольма.

Подпоручик Шмидт позднее поступил в наш отряд и участвовал в походе на Петроград. Но там опять перешел к большевикам. К сожалению, мы слишком поздно узнали, что он был настоящий коммунист.

А. Северин⁵²

К 35-летию основания ливенского отряда⁵³

Основание Ливенского отряда относится к самому началу 1919 года, времени наивысшего напряжения борьбы белых с красными: на юге Добровольческая армия продвинулась на линию Киев – Курск – Царицын; Северная армия (генерал Миллер) шла на соединение с армией адмирала Колчака, которая держалась на Урале. На западе же положение было критическое. Германские войска отходили, и с востока наступала красная волна, сдерживаемая отрядами поляков, литовцев, латышей, эстонцев, финнов; совместно с ними боролись и русские отряды, о которых мало кто и знает, но не надо умалять их значение и их истории предавать забвению.

25 ноября 1918 года большевики начали наступать на Псков. Начавший формироваться (12 октября) в Пскове Северный добровольческий корпус (разросшийся с течением времени в Северо-Западную Добровольческую армию) при весьма тяжелых условиях, под начальством только что принявшего командование полковника Нефа, отходил к Ревелю и помог эстонцам отстоять его от большевиков. Часть же Псковского корпуса отходила на Ригу, где в декабре положение делалось все более и более критическим, и обеспокоенные жители принялись за организацию отрядов. Наскоро сформировались роты: латышские, немецко-балтийские и русские, под общим названием Балтийского ландесвера, а из германских добровольцев была сформирована так называемая Железная дивизия.

В конце декабря большевики заняли Вильну и подходили к Ковно.

2 января 1919 года Рига была занята большевиками и всюду в занятых ими областях начинался кровавый большевистский режим.

8 января, немного задержавшись у Митава, еще отступили, при невероятно тяжелых условиях, при сильных январских морозах, до линии реки Виндавы, где и закрепились.

В Либаве начались переформирования всех добровольческих частей и подготовка к новому походу под руководством генерала графа фон дер Гольца. И вот в это тяжелое время к формированию русского отряда приступил светлейший князь А.П. Ливен. Отряд назывался Либавский добровольческий стрелковый отряд, но более известен под названием Ливенского отряда.

Базируясь на Либаву, князь Ливен рассчитывал на удобную связь с Ревелем, где находился Северный корпус; на близость Германии, откуда можно было получать пополнения из русских военнопленных; в Либавском районе было очень много оружия и военного снаряжения, которое можно было получить для формирующегося отряда, и стратегически через Ригу можно было наступать на линию Псков – Двинск, которая в борьбе с большевиками являлась бы важнейшей.

Формировать в тех условиях русский отряд было весьма трудно: латыши, объявившие 18 ноября 1918 года независимость, не доверяли русскому формированию; германофильствующие балтийцы косились; союзники видели в русских германофилов, а германцы – антантофилов. Но, несмотря на все затруднения, поддержанный энергичной группой русских офицеров-патриотов, Ливен получил возможность 15 января 1919 года издать первый приказ по сформировавшемуся отряду. Князь Ливен вошел в соглашение с Балтийским ландесвером (под начальством майора Флетчера), что временно, до возможного соединения с Северо-Западной армией, входит в его состав, обязуясь подчиняться командованию ландесвера, за что получил для отряда полное снабжение, снаряжение, вооружение и довольствие.

Отряд шел под национальным бело-сине-красным флагом, имел печать с российским гербом дореволюционного образца, обмундирование было германское, но с русскими пого-

нами, фуражка имела голубой околыш с русской кокардой, на левом рукаве носилась бело-сине-красная нашивка и под ней четырехгранный белый крест.

О формировании отряда через Российскую миссию в Стокгольме были посланы донесения адмиралу Колчаку, генералу Деникину и министру иностранных дел Сазонову в Париж. Но сношения были очень затруднены, и большинство донесений не дошло по назначению. Только в июне пришел ответ от адмирала Колчака о назначении князя Ливена командиром русских стрелковых частей в Курляндии, с подчинением генералу Юденичу в Финляндии как командующему фронтом.

Через две недели (31 января) первая рота в 65 штыков с двумя пулеметами, под начальством князя Ливена, выступила к Виндаве, где и заняла крайне левое крыло фронта, упершись в море. Время от времени из Либавы поступали пополнения.

К концу февраля отряд значительно расширился, в него влилась Русская рота капитана Дыдорова, имелось два взвода кавалерии, кадры для формирующейся батареи и необходимый обоз.

В ночь на 26 февраля отряд повел наступление вдоль моря и, несмотря на упорное сопротивление и численное превосходство противника, занял Виндаву. Красные пытались несколько раз энергично наступать, чтобы отбить город, но были отбиты.

В марте началось наступление по всему фронту, и Ливенский отряд, часто идя в авангарде, принимал участие в боях за Туккум. 18 марта, будучи головным отрядом, с налету захватил Митаву и затем в течение нескольких дней, отбивая упорные атаки с трех сторон больших сил противника, удержал город, выказав устойчивость молодого отряда.

Затем на целых два месяца фронт протянулся вдоль реки Курляндской Ла. За это время отряд особенно отличился разведками и налетами в тыл красных. Все добровольческие части рвались вперед в Ригу, где свирепствовал самый жестокий террор. Но германское правительство считало, что отбросило большевиков от своей границы на достаточное расстояние; правительства же Антанты не могли решить: надо ли освобождать Ригу, когда и кому?

16 апреля, неожиданно, ударный батальон Балтийского ландесвера, отведенный на отдых в Либаву, сверг правительство Ульманиса, пользующегося симпатиями дипломатических представителей союзников, арестовав некоторых министров, обвиняя их в сношениях с большевиками. За князем Ливеном, находящимся при отряде в Митаве, прилетел аэроплан. Прибывшему в Либаву князю Ливену было предложено возглавить новое правительство под видом военной диктатуры, на что князь Ливен не согласился, но предложил свое посредничество между заинтересованными сторонами. И при таких условиях сформировалось новое правительство во главе с пастором Недрисом.

Князь Ливен, пользуясь передышкой на фронте, поехал в Берлин для налаживания формирования и отправки пополнений в отряд, за что энергично взялись генерал Потоцкий и сенатор Бельгард. И в мае месяце хотя и с большими трудностями, но все же была налажена перевозка пополнений. Воодушевленные идеей борьбы за поруганную Родину, полные горячего желания отдать свои силы для воссоздания Великой России, проникнутые ненавистью к захватившим Отечество большевикам, прибывали добровольцы, и отряд разрастался.

Между тем на фронте начались военные действия. 16 мая Ливенский отряд, сменив часть перед Кальнецемским тэт-де-поном, занял его. С 18-го по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались отбросить отряд, но были отбиты с большими потерями для большевиков. В штабе ландесвера были получены сведения, что большевики предполагают начать наступление 22 мая. Командованием ландесвера было решено начать наступление со своей стороны и ночью на 22-е, атаковав большевиков, к 3 часам ночи пробились в тыл и ускоренным маршем двинулись на Ригу, чтобы занять городские мосты через реку Двину, ранее отступающих большевистских частей. Ливенский отряд шел обходным путем, а из Митавы по шоссе двинулась Железная дивизия. Большевики в Риге были застигнуты врасплох, но все же

в последнюю минуту перебили часть заключенных. Короткие бои произошли уже в предместьях города. К вечеру Ливенский отряд вступил в Ригу, обойдя город с тыла, получил задание очистить северную часть города и прилегавшие предместья от большевиков. На следующий день одна рота, под начальством капитана Дыдорова, прошла правым берегом Двины до самого устья, захватив большое число пленных и трофеи, в том числе броневик. Окрещенный «Россией», он участвовал в дальнейших походах Ливенского отряда.

24 мая, преследуя большевиков, отходящих по Псковскому шоссе, у станции Роденпойс, в густом лесу, коммунистическая рота произвела неожиданное нападение на авангард отряда, который понес потери; в том числе был тяжело ранен князь Ливен. Но благодаря доблести батареи, стрелявшей прямой наводкой, под градом пуль, сбили большевиков, преследование которых продолжалось до реки Лифляндекой Аа.

К июню месяцу Ливенский отряд разросся до 3500 человек; развернулся в 3 стрелковых батальона, стрелковый дивизион из 250 человек, эскадрон в 100 коней, две 4-орудийные батареи: полевая и гаубичная, броневой взвод с броневиком и авиационный отряд с тремя аппаратами (перелетевшими от красных) и кадр инженерного батальона.

Но в это время произошел конфликт у ландесвера с эстонцами, передовые части которых встретились у города Вендена. Ливенский отряд оставался нейтральным. Но по настоянию союзников два батальона были направлены в Либаву, где приняли от уходивших германцев охрану города, а один батальон был оставлен в Риге и нес караульную службу.

В июне прибыли из Германии полковники Вермонт и Вырголич с предложением сформировать отряды с подчинением начальнику Русского отряда (князю Ливену). Сформирование происходило в Митаве. Все три отряда: Либавский (Ливенский), 2-й – имени графа Келлера (Вермонта) и 3-й – полковника Вырголича объединились в один Западный корпус Северо-Западной Добровольческой армии. К этому времени началось прибытие эшелонов из Польши (где записалось до 15 000 добровольцев) и из Германии.

Находящемуся в Берлине генералу Гурко было предложено организовать Русский Западный фронт, но тот отказался. После отказа генерала Гурко приехал генерал Бискупский, но не стоворился.

В то же время многие старшие офицеры германской службы желали вступить в корпус князя Ливена, вместе с вполне готовыми и даже значительными вооруженными отрядами и финансовой поддержкой крупной германской промышленности, так что князь Ливен мог бы иметь прекрасно вооруженную армию в 200 000 человек. Но политические условия не позволяли этого.

С самого основания отряда князю Ливену приходилось вести переговоры с миссиями держав Согласия, и если со стороны большинства военных представителей он встречал сочувствие и даже оказывалась помощь в организации его отряда и корпуса, то со стороны большинства дипломатических представителей было недоверие и даже недоброжелательство, особенно со стороны англичан, которые, видя популярность и быстрое расширение Ливенского отряда, приняли меры для ослабления русского влияния на Балтийском побережье.

Воспользовавшись ранением князя Ливена и временным отъездом к нему его заместителя капитана Дыдорова, английский генерал Гоф, ссылаясь на приказ генерала Юденича о переброске Русского корпуса на Нарвский фронт, части отряда, находящиеся в Либаве, приказал посадить на транспорты и перевести в Нарву. И только на другой день английские офицеры привезли известие о случившемся князю Ливену в Митаву, где он лежал раненый. Таким образом было расстроено с трудом налаженное формирование.

Отряд вначале был разбит группами по разным частям, и князю Ливену стоило большого труда добиться соединения отряда в дивизию, которая вошла в состав Северо-Западной армии, в 1-й корпус генерал-лейтенанта графа Палена 5-й (Ливенской) дивизией, состоящей из:

17-го Либавского (1-й Ливенский полк),

18-го Рижского (2-й Ливенский полк),
19-го Полтавского (3-й Ливенский полк),
Стрелкового дивизиона,
Тяжелых орудий – 4,
Легких орудий – 6,
Броневигов – 2,
Авиационного отряда – 7 аппаратов.

Дальнейшие действия Ливенского отряда были уже связаны с Северо-Западной армией и в борьбе с большевиками имели большое значение.

Вечная память князю Ливену и павшим соратникам.

Светлейший князь А. Айвен От Гольдингена до Митавы

Дневник⁵⁴

11 марта 1919 года в 10 часов вечера мы вернулись из неудачной по холоду, сырости и бесполезности поездки в Зуре (18 верст от Виндавы) и прибыли в Альт-Гольдинген.

Луна давала немного света. Мы расположились в старых помещениях. Я прибыл с Трейманом⁵⁵ верхом в 8 часов. Полковник Р. прибыл в 9 с половиной, а отряд на полчаса позже. Погода теплая и сырая. Утром я съездил в штаб Эйленбурга. Днем ожидал майора Флетчера. Он прибыл после обеда. В 6 часов было общее совещание. Одновременно прибыло и казначейство, и полковник Бирих получил аванс в 120 000 марок, так что мы обеспечены средствами. Майор Флетчер разъяснил нам наши задачи. Патруль Штоструп ходил на Вормен, но нашел имение занятым неприятелем.

Выступление назначили на утро 13-го. В первую голову идет мой отряд и сворачивает направо, перейдя мост. Он составляет правый фланг ландесвера и имеет вправо от себя конницу Энгельгарда и отряд Баллода.

Левее, на дороге в Кабилен, шел Эйленбург с конницей Гана, ротами Радена и Клейста.

По главной дороге на Цабельн шли Штоструп (ударный батальон ландесвера) и Мальме де с майором Флетчером во главе.

13-го я приказал встать в три часа утра. Так как Резон напился накануне, то обоз не выехал вовремя и выступление из Альт-Гольд ин – гена состоялось лишь в 5 часов. Резона я сместил и начальником обоза назначил Адлерберга. Обоз 1-го разр. следовал непосредственно за нами. Обоз 2-го разр. должен был выступить с расчетом быть на месте в 9 часов 30 минут.

Ровно в 6 часов утра мой отряд переправился через реку Виндаву. К нам присоединился штабс-капитан Андерсон с 1 орудием и ротмистр Реймерс⁵⁶, назначенный начальником конного отряда Гольдфельда после того, как последний отказался исполнить приказ майора Флетчера.

Погода была мягкая, дорогая тонкая, но с утра лужи немного затянуло льдом. Съехав с главной дороги на Экгоф, мы видели отряд Эйленбурга, переходивший через мост непосредственно за нами, а через полчаса влево от нас уже началась ружейная и пулеметная перестрелка.

У мельницы (Эден) мы сделали первый привал. На мельнице было много крестьян. Мельник расстрелян красной гвардией в Фрауэнбурге. На мельнице нас приняла вдова и угостила кофе с хорошими сливками.

За мельницей начинается лес. Дорога обледенела. Лошади скользят. За три версты до Вормена я остановил отряд и выслал разведку до церкви Вормен. За разведкой вышел взвод роты с двумя пулеметами. Церковь, волостное правление и школа незаняты.

Отряд пошел в имение Вормен по дороге. Я лично с конным разездом прибыл в пасторат. Старый пастор Нарстрауте ничего дурного о большевиках сказать не мог. Лошадь пробста из Фрауэнбурга он сдал большевикам, зато сохранил свою собственную.

Я прибыл в имение одновременно с отрядом. Вскоре подошел и обоз. Я приказал выдать обед. Ввиду того что на севере в лесу слышны были отдельные выстрелы, я выслал конный разезд, приказав ему стать в 1 версте от имения, имея наблюдение за тем, что происходит впереди.

В господском доме большой беспорядок. У портретов выколоты глаза. Мебель частью побита. Всюду масса пропагандной большевистской литературы на немецком, латышском и русском языках.

В 2 часа дня раздались учащенные ружейные выстрелы в стороне высланного патруля. Первый взвод роты я выслал туда. От патруля вернулись два всадника с сообщением, что их обстреляли из крестьянской усадьбы Целау, в 3 верстах севернее имения.

Вернулся пешком вольноопределяющийся барон Бер, весь в грязи, без фуражки и лошади. Недоставало 2 всадников: Думне и Бернулиса. Цепь дошла до Целау и нашла тела убитых. Лошадь Бера стояла на трех ногах. Я приказал Трейману ее застрелить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.